МАРИАННА
АЛФЕРОВА
ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА
Соперник Цезаря

Марианна Владимировна Алферова

Соперник Цезаря

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177987
Соперник Цезаря: АСТ; Астрель-СПб; Москва, Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-17-058287-7, 978-5-9725-1491-5

Аннотация

Лихой рубака и галантный обольститель, аристократ по крови и авантюрист по духу, он пережил кровавую диктатуру и спас будущего диктатора, воевал и воровал, нарушил волю богов, соблазнил жену Цезаря и соблазнился собственной сестрой.

Его жизнь – это высшая политика и грязные интриги, роскошные оргии и дешевые кабаки, уличные потасовки и священные пророчества.

Его друзья – гладиаторы, а враги – полководцы, он бьется мечом и отбивается словом, он может повернуть ход истории и стать, наконец, первым!

Если хватит удачи…

Патриций Клодий. Соперник Цезаря!

Содержание

Пролог 4
18 января 52 года до н. э.[1] 4
I 4
II 6
Акт I 15
Картина I. Катилина 15
5 ноября 63 года до н. э 15
I 15
II 17
III 21
Картина II. Цицерон 25
67 ноября 63 года до н. э 25
I 25
II 27
III 29
Картина III. Эпистолярный жанр 31
23 декабря 63 года до н. э 31
I 31
II 32
III 34
Картина IV. Конец заговора 36
5 декабря 63 года до н. э 36
I 36
II 36
III 38
IV 43
Интермедия 45
Осень 82 года до н. э 45
I 45
II 46
Акт II 48
Картина I. Таинства Доброй богини 48
3 декабря 62 года до н. э 48
I 48
II 53
III 54
Картина II. Дело о кощунстве 59
18 января 61 года до н. э 59
I 59
II 59
III 63
Картина III. Ошибка Цицерона 67
8 мая 61 года до н. э 67
I 67
II 68
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Марианна Алферова
Соперник Цезаря

Был некий Публий Клодий…
Плутарх

Пролог

18 января 52 года до н. э.[1]

I

Матовое стекло в окне напоминало осколок льда; в комнату лился свет, холодный и ленивый. Глядя в окно, особенно приятно было сознавать, что в комнате тепло. Красные угли на черной решетке жаровни напоминали россыпь гранатовых зерен. Кто-то из слуг бросил в огонь несколько шариков благовоний, и небольшая комната наполнилась терпким ароматом. Клодий смотрел, как причудливые фиолетовые завитки утекают к кессонному потолку, и отхлебывал из серебряной чаши подогретое вино.

Утром сенатор Публий Клодий Пульхр выступал перед избирателями городка Ариций, вторая половина дня осталась пустой, как выеденный орех, – ехать в Рим было уже поздно, а в крошечном Арициии делать было абсолютно нечего. Со всеми нужными людьми Клодий переговорил. «Здравствуй, Марк, ты будешь голосовать за меня? А ты, Тит?» – «Ну как же, как же, ты, Пульхр, – народный любимец!»

Пульхр – любимец, Пульхр – защитник, Пульхр – последняя надежда. Какими только прозвищами его ни награждали! А еще кликали Красавчиком и Смазливым. Потому как родовое прозвище Клодия[2]необыкновенно подходило к его внешности: сенатор был замечательно красив. Гладкая, очень светлая для римлянина кожа, тонкие черты лица, надменный рот, роскошные кудри, которые он намеренно носил чуть длиннее, чем требовала мода, – Публий Клодий выглядел куда моложе своих тридцати девяти.

Тридцать девять. Возраст, когда можно претендовать на преторскую[3] должность. В том, что Клодия изберут, сомневаться не приходилось. Рим не посмеет отказать своему кумиру.

Клодий любил Арицийскую усадьбу – небольшую, уютную, с тенистым садом. С огородов усадьбы свежую зелень привозили в Рим к столу хозяина. Сам дом стоял близ Аппиевой дороги, этой главной артерии Республики, что было очень удобно для человека, который уже десять лет был в центре политической жизни столицы мира. К тому же в усадьбе хорошо

---

[1] *Подлинные слова Цицерона, Цезаря, Помпея и других исторических лиц этого романа не выделены кавычками, дабы не затруднять чтение. Стихи Катулла, Теренция, Лукреция и т. д. приводятся в кавычках.*Даты в начале глав даны в обозначениях юлианского календаря, в тексте даты указаны по римскому календарю. До реформы календаря, проведенной в 46 году до н. э. Юлием Цезарем, несоответствие между официальным и истинным календарями порой доходило до двух месяцев. До реформы календаря месяцы март, май, квинтилий июль и октябрь имели по 31 дню, февраль – 28, прочие месяцы – по 29 дней. Месяц август назывался во времена республики секстилием.

[2] Пульхр означает «Красавец».

[3] *Претор* – вторая после консула высшая магистратура в Римской республике. Преторы, как и консулы, избирались на год, занимались в основном судебными делами, но претор мог по поручению сената командовать войсками. После магистратуры бывший претор пропретор получал провинцию в управление одну из преторских провинций. Должность претора, согласно конституции Суллы, можно было занимать не ранее тридцати девяти лет.

отдыхать летом, а зимой надо быть в Риме. Город лежал за зелеными Альбанскими горами и манил, и звал. Жизнь – только там, весь остальной мир – стоячая вода, болото, скука. Так что же, в Рим? Завтра, завтра утром. Рим – это слово напоминало вдох, но воздуха всякий раз не хватало.

Во дворе послышались громкие голоса, потом чей-то крик. Клодий узнал голос Зосима. Вольноотпущенник[4] с кем-то ругался. Тот, второй, не желал уступать, спорил рьяно. Кажется, это Гай. Сенатор удивился. Гаю положено быть в Риме и заниматься подготовкой к преторским выборам. Если Гай приехал в Арициий, значит, дело очень важное.

Клодий шагнул к окну, повернул раму в бронзовом шарнире, зимний воздух хлынул в комнату. Два дня назад шел снег, а теперь растаял, трава и кустарники в саду сделались стеклянными, неживыми. Настоящая зима, с морозами и метелью, Ганнибалом прорвалась через Альпы в Италию. С утра плыли по небу плотные облака, но их стада так и не сбились в свинцовые тучи, не пролились дождем. Клодий зябко передернул плечами. На нем были две туники: нижняя – с длинными рукавами, зеленого цвета, из тонкой шерсти, верхняя – с начесом, обшитая бахромой. Белоснежная тога кандидата, в которой он выступал перед жителями Ариция, была аккуратно уложена и спрятана до следующего раза.

Клодий глубоко вдохнул холодный влажный воздух, и прежняя вялость вмиг с него слетела. Он услышал шаги, но не обернулся, – и так знал, что пришел Зосим.

– Доминус,[5] гонец из Рима от народного трибуна Мунация Планка.

Клодий захлопнул раму, резко повернулся и протянул ладонь. Вольноотпущенник вложил ему в руку письмо – две скрепленные друг с другом вощеные таблички. Клодий сломал печать и пробежал глазами послание.

– Милон сегодня выехал из Рима. С ним тридцать человек паразитов и рабов-музыкантов. Из настоящей охраны – почти никого. – Клодий швырнул таблички на стол, и они тут же затерялись среди папирусных и пергаментных свитков. – Зачем Милону выезжать из Рима накануне консульских выборов? Что у него за дела?

– Не знаю.

– Тридцать человек… – Сенатор по своему обыкновению размышлял при Зосиме вслух. – Пускай все тридцать – охранники, это мизер. Зосим, старый ворон! Ты хоть понимаешь, что мы можем шутя сорвать этому парню выборы! – Клодий рассмеялся дерзко, белозубо, по-мальчишески. – Поедем тихо-мирно в Город и будто ненароком столкнемся на дороге с Милоном. Аве, Милон! Как дела? Аппиева дорога всего одна, – заявил он самым невинным тоном. – Наш смельчак Полибий затеет ссору с чужими паразитами, вспыхнет драка. Мои люди немного помнут бока бездельникам Милона. А потом я обвиню его в насильственных действиях и отдам под суд.

– Его не осудят, – предрек Зосим.

– Разумеется. Но если Милон окажется под судом, то его исключат из списков кандидатов в консулы,[6] должность он не получит. А я тем временем стану претором. Неплохой план? А?

– Доминус, ты же собирался вечером поехать в Альбанскую усадьбу к сыну, – напомнил Зосим.

---

[4] *Вольноотпущенник* – бывший раб, получивший свободу. Практика отпуска рабов на волю была широко распространена. При отпуске на волю раб давал клятву, что будет выполнять определенные обязанности для своего бывшего хозяина. При освобождении вольноотпущенник получал личное и родовое имя господина, а рабское имя становилось третьим именем, прозвищем. Так, полное имя Зосима в романе – Публий Клодий Зосим. Секретарь Цицерона Тирон после освобождения получил имя Марк Туллий Тирон.

[5] *Доминус* – почтительное обращение раба или слуги к хозяину, сына к отцу, равный к равному так не обращался.

[6] *Консулы* – два высших магистрата в Римской республике, избирались на один год. На следующий год бывший консул мог получить провинцию в управление – в этом случае он становился проконсулом. Выборы на 52 год до н. э. задержались из-за постоянных беспорядков в Риме, год начался, а консулы так и не были выбраны.

– Нет, не поеду. У меня, наконец, появилась возможность разделаться с Милоном. Один раз не удалось. Теперь получится. Кто упускает второй попутный ветер? Ну, скажи, кто?

– Я бы не рисковал, – нахмурился Зосим. – Мы сможем выставить не более тридцати бойцов. Наши самые лучшие гладиаторы сейчас в Риме.

– Кроме Полибия, он один стоит десяти, – напомнил Клодий. – Не суетись, Зосим, все получится. У нас же с тобой всегда все получалось. Сам посуди, мне быть претором при консуле Милоне – это же смешно. Тогда уж лучше совсем не избираться. Так что пускай Милон сядет на скамью обвиняемого в траурной одежде. А я – в курульное кресло,[7] отделанное золотом и слоновой костью. Вели собираться. Поскорее! Полибия предупреди!

II

В усадьбе началась суматоха: рабы бегали и кричали, демонстрируя показное усердие; управляющий орал на всех без разбору; ребятня путалась под ногами. В Город с хозяином отправлялись тридцать человек. Зосим записал имя каждого на вощеной табличке и пометил, кому из рабов что нести. Носилок не брали: сам сенатор Публий Клодий, его гость Кавсиний Схола и клиент[8] Гай собирались ехать верхом.

Зосим был мрачен: ему не нравилась вся эта затея. Выезжали слишком поздно и могли не добраться в Город до темноты, да и людей с собой брали маловато, по нынешним временам тридцать человек – не ахти какая охрана. Предстоящая встреча с Милоном и драка тоже не сулили ничего хорошего. Милон – человек опасный, хотя многие не принимают его всерьез. Однажды он уже нанес Клодию чувствительный удар. Но Зосим знал, что отговаривать патрона[9] от затеи – дело бесполезное.

Зосим направился в конюшню, проверить, готовы ли лошади, но его остановила женщина в длинной тунике до пят и в черном гиматии,[10] черном, как ночь или вороново крыло. Женщина эта, совершенно незнакомая, еще нестарая и даже миловидная, положила руку Зосиму на плечо и торжественным голосом сообщила:

– Сегодня утром родился двухголовый теленок, и я этого теленка только что видела.

– Ну и что? – Зосим усмехнулся. О двухголовых телятах, волках, землетрясениях, облаках серы и каменных дождях непрерывно толковали все последние годы. Он сам видел, как кровавый пот выступил на статуе Меркурия, и кровь с мрамора стирали губкой.

Женщина смотрела на Зосима в упор, не мигая. Ее темно-оливковое лицо – оттенок скорее Востока, нежели Италии, – обрамляли черные кудри. Зосим даже сквозь шерстяной плащ чувствовал, как горяча ее ладонь. Незнакомка походила на служанку, но из тех, что сами руководят господами.

«Не рабыня, скорее – вольноотпущенница. Как я», – уточнил про себя Зосим. Он всегда все уточнял, ибо был человеком обстоятельным.

– Так в чем дело? – Он раздраженно стряхнул ее руку с плеча.

– Добрая богиня помнит обиды. – Женщина отступила, ее тонкие губы сложились в злорадную улыбку.

---

[7] *Курульное кресло* – официальное кресло римских магистратов – складной стул без спинки, отделанный драгоценными металлами и слоновой костью.

[8] *Клиент* – бедный свободный гражданин или вольноотпущенник, находящийся под покровительством патрона, должен был следовать за патроном на форум, являться по утрам на приветствия салютации, мог вести по поручению патрона его денежные дела. Не давал против патрона показаний в суде. Свободный клиент мог взять родовое имя патрона – отсюда Гай Клодий, Секст Клодий, имена клиентов Клодия.

[9] *Патрон* – покровитель бедных свободных граждан своих клиентов и своих вольноотпущенников, а также зависимых общин и провинций. Так Цицерон и Клодий по очереди были патронами Сицилии. Некоторые слова и выражения имеют в романе то значение, какое они имели в Древнем Риме.

[10] *Гиматий* (*греч.*) – плащ.

У Зосима от этой усмешки холодок пробежал по коже. Богов он чтил, особенно таких древних римских покровителей, как Добрая богиня. А вот его патрон перед Доброй богиней провинился. Много лет назад оскорбил смертельно. Но это для людей – много лет, для богов – миг единый.

Женщина повернулась и пошла из усадьбы к Аппиевой дороге, что-то бормоча. Зосим кинулся вслед за нею и нагнал уже возле придорожной гробницы. Гробница была старой, яркое италийское солнце сделало мрамор янтарным, дожди почти смыли рельеф: с трудом угадывались фигурки многочисленных гениев с опущенными факелами.

– Почему Добрая богиня? Ее празднества давно миновали.

– Ты уезжаешь сегодня? – Женщина глянула на Зосима то ли презрительно, то ли сожалеюще. «Глупый, неужели не понимает?» – так и читалось в ее глазах.

– Мы едем в Рим. Мой патрон, сенатор Публий Клодий Пульхр, решил до темноты вернуться в Город.

– Так не забудь про Добрую богиню, – повторила женщина, слегка толкнула его в грудь и добавила: – Красавчик!

Зосим хмыкнул и пожал плечами. Уж кем-кем, а красавчиком его называть нелепо. Глаза светлые, галльские, нос слишком короткий, а на щеке от угла рта к уху – рваный шрам. Да и роста Зосим высокого, слишком высокого, чтобы считаться красивым. Правда, одет хорошо: новенькая туника из синего сукна, всего один раз стиранная, плащ тоже новый, на поясе меч, рукоять серебром украшена.

– О чем ты? На Клодия намекаешь?

Его злила потеря драгоценного времени. Пока он болтал неизвестно о чем с этой странной пророчицей, уже полклепсидры[11] утекло наверняка. Но расспросить незнакомку толком Зосим так и не успел – к ним подскакал Клодий на рыжем жеребце. Скакун был горяч и своенравен – патрон всегда выбирал непокорных коней.

– Красавчик! – воскликнула женщина и опять рассмеялась.

Клодий лишь скользнул по женщине взглядом: она была для него старовата и явно не его круга.

– Зосим, что с тобой? Мы выезжаем! Забыл, что ли?! Иди, присмотри за рабами, чтоб тупицы взяли с собой толстые палки и ножи. И мечи пусть захватят, но спрячут под одеждой. Полибию напомни, что он должен делать.

– Не волнуйся, доминус, он все понял, Полибий – большой задира.

– Там, где не надо! Провалит дело – я его на свободу отпущу! Поторапливайся! Или ты хочешь дождаться темноты, чтобы нас по дороге ограбили?!

– Но, доминус, эта женщина говорит… – начал было Зосим.

– Ладно, можешь затащить свою телку в гробницу и предаться Венериным утехам, но быстро. – Клодий ударил пятками жеребца и поскакал обратно к усадьбе.

Зосим обернулся, чтобы спросить у пророчицы, что за опасность угрожает хозяину, но женщина исчезла. Вольноотпущенник огляделся – дорога была пуста. Он кинулся к гробнице – женщина могла укрыться только там. Решетка была сломана, внутри воняло мочой – у гробницы не было охранника, и путники использовали ее вместо латрин.

– Еще говорят, что римляне чтят своих предков, – пробормотал Зосим, бегом возвращаясь в усадьбу. Он редко говорил о римлянах пренебрежительно – только когда сильно злился.

А злиться было отчего: все уже приготовились к отъезду; Клодий, Кавсиний Схола и Гай сидели в седлах; рабы лениво разбирали мешки с поклажей. Зосим понимал, что предупреждение запоздало, он не успеет отговорить хозяина от поездки.

---

[11] *Клепсидра* – водяные часы, обычно рассчитанные на один час.

– Мечи спрятать! – приказал Зосим. – Этруск! – позвал он рыжего раба с наглыми искорками в темных глазах и лиловым пятном клейма на лбу. – Праща при тебе?

– А то! И праща, и свинцовые снаряды. – Этруск осклабился: пращник он был отменный. Еще Этруск мог аккуратно вскрыть чужую печать, потом склеить ее так, чтобы она выглядела нетронутой. За эту ловкость он был клеймен, за нее же выкуплен Клодием у прежнего хозяина.

– Говорят, ты подцепил какую-то красотку? – спросил гладиатор Полибий. – Хороша хоть оказалась, или так себе?

– Сбежала. Наговорила всякой чепухи и пропала, будто в Тартар провалилась.

– У тебя всегда с девками проблемы, – хмыкнул Полибий.

– У меня нехорошее предчувствие, – сказал Зосим. Они уже вышли на Аппиеву дорогу. Впереди них погонщик нещадно хлестал груженого мула, чтобы до темноты успеть в Город.

– У меня тоже предчувствие – что вечерком я буду трахать хозяйскую кухарку. – Гладиатор громко заржал.

Полибий три года провел в гладиаторской школе, но на арену так и не вышел: гладиаторы Публия Клодия занимались другим. Тоже делом небезопасным, если судить по свежему шраму на предплечье. Гладиатор прихрамывал: опрометчиво надел новые сандалии и стер пятки. А до Города еще идти и идти. Дорога, правда, гладкая, без единой лунки или ухаба – Гай Юлий Цезарь, тот, что теперь воюет в Галлии,[12] когда был смотрителем Аппиевой дороги, истратил на ее ремонт тысячи сестерциев.[13] Да, хорошую дорогу построил цензор Аппий Клавдий, двести шестьдесят лет простояла и еще две тысячи лет простоит. Как Рим. Вспомнив Аппия Клавдия Слепого, Зосим невольно перевел взгляд на своего господина – прямого потомка знаменитого Слепца. Патрицианский род Клавдиев сейчас в Риме один из самых могущественных, ну, а слава Клодия превзойдет славу его предка – в этом Зосим не сомневался. Надо только сегодняшний день пережить!

Зосим прибавил шагу и нагнал хозяина. По левую руку от Клодия ехал на вороной фракийской кобыле Кавсиний Схола. По правую – немного приотстав, на низкорослой галльской лошадке трусил Гай Клодий, клиент, тот, что привез письмо. Этого клиента Зосим не любил – за лживость, вороватость и совершенно невозможную наглость, а еще потому, что Гай при каждом удобном случае стремился Зосима унизить. Завидовал: Зосим – вольноотпущенник, а Гай – свободнорожденный, но бывшему рабу хозяин доверял, а Гаю – нет. Не кому-нибудь, а именно Зосиму поручал Клодий покупать гладиаторов, знал, что вольноотпущенник не возьмет себе ни асса,[14] а к нечистым ручонкам шустрого клиента прилипнет, по меньшей мере, половина золотых.

Зосим ухватил Клодиева скакуна за повод. Жеребец захрапел, мотнул головой и глянул на вольноотпущенника лиловым сумасшедшим глазом, как на заклятого врага. Успокаивая, Клодий похлопал коня по шее.

– Доминус, давай вернемся и заночуем в усадьбе, – проговорил Зосим, глядя на патрона снизу вверх.

– Трусишь? – вместо хозяина спросил Гай.

– Не нравится мне затея с Милоном.

---

[12] *Галлия* – территория нынешней Северной Италии, Франции и Бельгии. Делилась римлянами на Ближнюю и Дальнюю Галлию. Под Ближней Галлией подразумевались уже завоеванные до Цезаря провинции – Нарбонская Галлия и Цизальпинская Галлия, полученные Цезарем в управление после консульства 59 года до н. э. Транспаданской Галлией назывались колонии к северу от реки Пад, совр. По, Трансальпинской – колонии, лежащие за Альпами, иначе – Косматая Галлия.

[13] *Сестерций* – серебряная монета во времена Республики, весом примерно 4 г.

[14] *Асс* – наиболее распространенная медная монета весом примерно 27 г, равна 1/4 сестерция.

– А мне нравится! Эй, шагай веселей! – обернулся Клодий к рабам. – Иначе топать всю ночь придется. Уж, верно, девятый час.[15]

– Ну уж, не доберемся, – хмыкнул Кавсиний Схола и ударил пятками лошадь. – Мы до святилища Доброй богини доехали! – Он указал на старинный храмик у дороги. Слева и справа от святилища высились шатрами огромные пинии. Чуть поодаль громоздилась роскошная, отделанная мрамором гробница на высоком подиуме – куда выше и просторнее, чем храм. По другую сторону дороги расположилась харчевня, сама неказистая, но двери хорошие, дубовые. Крепкие двери…

Добрая богиня… Зосима будто холодной водой окатило. Как раз в этот момент он и увидел на дороге толпу, что двигалась им навстречу.

Милон? Что-то не похоже, что при нем тридцать человек. Больше. Гораздо больше.

– Кто это там тащится? – кривляясь, спросил клиент Гай. – Может, Помпей Великий?

– Это же наш друг Милон! – Схола зааплодировал и свистнул, как будто был в театре и на просцениуме появился его любимый актер.

– Друга Милона я всегда рад видеть! – с мрачной усмешкой проговорил Клодий.

– Неужели Милон станет консулом? – продолжал Схола. – Говорят, он три состояния истратил на театральные зрелища и бои гладиаторов, заискивая перед плебсом.

– Семьдесят миллионов сестерциев, – уточнил клиент Гай, который знал все, что касалось денег, особенно чужих.

– Зря старался! – Клодий натянул повод, потому как жеребец под ним все больше и больше тревожился и уже пару раз пытался встать на дыбы, и лишь железные удила его сдерживали. – В консулы я его не пущу! – Лицо Клодия окаменело. Он напоминал полководца, готового бросить в бой легионы.

Путники тем временем приближались. Среди толпы рабов видна была раззолоченная повозка. Белые шерстяные занавески колыхнулись, и наружу выглянуло женское личико.

– С супругой путешествует, – прокомментировал Схола.

Зосим тем временем считал Милонову свиту. Рабов было как минимум шестьдесят человек, но все больше носильщики, актеришки, музыканты, девицы и изнеженные мальчишки – то есть ленивая и ни на что не годная челядь. Где же гладиаторы? Все это очень-очень странно…

– Эй, куда собрались? – поинтересовался у проходящих мимо рабов Милона Полибий.

«Ну вот, началось!» – с тоской подумал Зосим и положил ладонь на рукоять меча.

– Не твое дело, – огрызнулся раб с голубой стеклянной вазой в руках. Разобьет – будет у носильщика спина полосатой.

– По-моему, тебя вежливо спросили! – прикрикнул Зосим. – Чтоб тебе умереть рабом!

Большая часть свиты Милона уже прошествовала мимо, оставалось еще человек двадцать.

– Так куда идете, если не секрет? – не унимался Полибий.

– В Ланувий, – отозвался старик, судя по всему, музыкант. – Ты часом не из Эпира, приятель?

– Не из Эпира. Я из Неаполя. В гладиаторы пошел добровольцем. Я все понял: они отправляются в изгнание, – расхохотался Полибий. – Зачем иначе Милону столько бездельников?!

– Что ты там болтаешь насчет изгнания?! – тут же взъярился низкорослый парень из свиты Милона, по сложению видно – атлет. – Это по твоему хозяину карцер плачет!

---

[15] Время римское. Шесть часов дня – полдень. Всего дневных часов было двенадцать. Ночь делилась на четыре ночных стражи. Ночных часов тоже было двенадцать. В зависимости от продолжительности дня менялась и продолжительность дневных и ночных часов.

Кто-то швырнул в Полибия яблоком, как в шута.

– Отброс арены! – ругнулся в ответ гладиатор.

Атлет замахнулся палкой. Полибий отскочил, выставляя копье.

– Что?! Что ты сказал, вонючка?! – наседал на гладиатора атлет.

Клодий повернул коня и подскакал к спорящим.

– Иди, куда шел, раб! И оставь моих людей в покое. Или, клянусь Геркулесом, сейчас ты у меня получишь!

– Бей! – вдруг раздался зычный крик, будто центурион отдал команду.

С лязгом распахнулась решетка роскошной гробницы, на дорогу хлынули вооруженные люди. Среди них Зосим приметил крепких парней с копьями. Гладиаторы! Сразу узнал Евдама и Биррию. Эти два бойца стоили целого отряда. Зосим очень хорошо помнил прежние столкновения.

«Засада!» – мысленно простонал Зосим.

Он не сумел счесть, сколько людей у Милона. Понял только, что много. Прятались в гробнице, как заправские разбойники, и теперь мчались на помощь Милоновой своре. Зосим рванул меч из ножен и всадил клинок в ближайшего Милонова раба прежде, чем тот успел замахнуться палкой.

Сразу человек пять или шесть бросились на Клодия. Биррия – впереди. Один из нападавших тут же отлетел, перекувырнулся через голову и рухнул в пыль. В ответ Биррия вонзил копье в плечо Клодию.

– А… – только и выдохнул сенатор, покачнувшись в седле.

– Мразь! – завопил Зосим. Рванулся к Биррии.

Но гладиатор оказался проворней – Зосим метил Биррии в бок, а попал по подставленному под удар древку. Сам едва-едва увернулся от направленного в грудь наконечника, но при этом зацепился за что-то ногой и упал. Вокруг уже кипела драка. Крики, звон оружия, чей-то хрип. Зосим хотел вскочить, но кто-то больно пнул его в бок.

«Начну вставать – тут же прикончат», – сообразил Зосим. Спешно прополз под ногами дерущихся к краю дороги и только здесь поднялся.

Человек пятьдесят из свиты Милона схватились с людьми Клодия. Остальная челядь Милона сгрудилась вокруг повозки своего господина. Среди кипящей схватки метался раб со стеклянной вазой, прикрывая телом хрупкое сокровище. На мгновение взгляд Зосима привлекло голубое пятно. А что если ударить по стеклу?… Не достать…

Клодия окружила свора Милона. Голова жеребца возвышалась над людскими головами, с удил хлопьями летела пена, а сам сенатор отбивался от копий и мечей, не успевая разить. Двух других конных – Схолу и Гая – видно не было. Зосим стал пробиваться к патрону, едва успел увернуться от чьего-то меча, ударил сам и, кажется, ранил. Наконец он очутился подле хозяина, ухватил Клодиева жеребца за повод. Земля была какая-то неустойчивая, так и норовила вывернуться из-под ног.

– В таверну! – Вольноотпущенник махнул мечом; клинок рассек воздух, никого не задел, но заставил людей расступиться. Конь храпел и рвался из рук – отличный жеребец, но горячий до ужаса – одному эту тварь никак не удержать. Клодий уже шатался в седле.

– Хватай повод! – заорал Зосим Полибию. Гладиатор обернулся – лицо его было в крови. Кажется, он не понял, чего от него хотят.

– Скорее! – зарычал Зосим.

Полибий протянул руку, но ухватить повод с другой стороны не успел – Клодиев конь встал на дыбы. Зосим пытался удержать его, но жеребец вырвался. Тут опять подскочил Биррия и попытался снова ударить копьем Клодия. Но сенатор чудом отбил удар мечом.

Зосим, наконец, схватил повод и потащил упиравшегося жеребца к таверне. Дверь была в двух шагах. Краем глаза Зосим увидел, как Евдам проткнул мечом одного из рабов Клодия.

Возле дверей таверны патрон кулем рухнул на руки Зосиму. Тот едва удержал раненого.

– Всем укрыться… – пробормотал Клодий. – Двери закрыть.

Полибий подхватил хозяина под мышки и поволок внутрь. Зосим отступал, выставив перед собой меч. Но на них больше не нападали. Гладиаторы Милона отступили к повозке хозяина, чего-то ожидая.

Очутившись внутри, Зосим перевел дыхание. В таверне можно было отсидеться. Следом вбежал мальчишка раб и тут же рухнул на пол. Из груди его, пузырясь, струей текла кровь.

– Убери его! – приказал Зосим опешившему хозяину таверны.

Последним ворвался внутрь Этруск. Поскользнулся в кровавой луже у порога, проехал на заднице, вскочил и кинулся в угол. Там уселся на пол, прижимая руки к животу. Глаза выпучены, на лице безумное выражение. Вся туника в крови – не понять, своей или чужой.

– Помогите! – крикнул Зосим посетителям.

Два погонщика мулов, что обедали здесь и чьи миски все еще стояли на кирпичном прилавке,[16] неспешно поднялись, на ходу пытаясь оценить обстановку. Из одной миски спешно принялся хлебать Клодиев раб, как будто боялся, что не удастся наесться последний раз в жизни. Погонщик схватил его за шиворот и отбросил, как щенка. С помощью второго погонщика Зосим заложил брусом дверь.

Теперь можно было перевести дух. Вольноотпущенника разбирала злость. Так глупо попались! Умники, решили устроить ловушку Милону. А вышло, западню подготовил сам Милон.

В таверне было темно, дымно и жарко. Печь топилась. Из четырех больших горшков, вделанных в прилавок, шел пар. Пахло свиными колбасками и чечевичной похлебкой. Зосим облизнул губы. Ему вдруг страшно захотелось есть.

– Во имя Судьбы! Что случилось? Доминус, что случилось… – бормотал хозяин таверны, круглолицый рыжеволосый толстяк, протягивая к гостям руки.

– Ничего хорошего, – буркнул Зосим. – Обычная предвыборная кампания.

Посетители сбились у стены, позабыв о плошках с дымящимся супом. Клодий сидел на лавке, зажимая рану рукой. Плотно сжатые пальцы были ярко-красные. Сенатор тяжело дышал, по лбу крупными каплями катился пот.

– Это же наш Публий Клодий! – воскликнул один из погонщиков и, обернувшись к Зосиму, проговорил: – Если что, я с вами. У меня и меч есть. – Он выставил из-под плаща рукоять. Надо же, удивил! Нынче без оружия никто не отправляется в путь.

Зосим кивнул, давая понять, что помощь принимает.

– Клодий… Сенатор Клодий Пульхр… – повторил изумленно хозяин. – Да что ж такое… Да это же… наш будущий претор. А там кто? – Он указал на заложенную брусом дверь.

– Кандидат в консулы Тит Анний Милон, – сказал Зосим.

В таверне повисла тягостная тишина – лишь слышалось, как булькает в котле похлебка. Всем было ясно, что дело – смертельное в смысле самом прямом.

---

[16] В таверне был специальный стол, сложенный из кирпича, в него замуровывались глиняные горшки, в которых готовая пища долго не остывала. Во многих квартирах в городах не было кухни, горожане питались в тавернах, где всегда была горячая еда. Такой вот римский общепит.

Зосим внезапно ощутил слабость и острую боль в боку. Тронул тунику. Ладонь тут же сделалась мокрой. Он ранен! Вроде как не опасно. Кожу только порезали. Но это ерунда. Только бы с патроном все было хорошо.

– Что теперь? – спросил Полибий, отирая лицо, – из раны на скуле шустро бежала кровь.

– Надеюсь, они уберутся в свой Ланувий, – проговорил Зосим.

– Что за ссань! Объясни! – сплюнул Полибий. – Зачем мы с ними сцепились? Видели, сколько у Милона гладиаторов? Да чтоб их посвятили подземных богам!

– В письме все дело. Патрону написали, что Милон выехал из Рима, с ним только тридцать человек, и эти тридцать – ни на что не годные домашние рабы.

– Тридцать! Да их там три сотни, клянусь Геркулесом! – Гладиатор, как всегда, преувеличивал. – А кто письмо привез? От кого?

– От народного трибуна Тита Мунация Планка, – сообщил Зосим. – Привез клиент Гай. Я еще с ним поругался из-за того, что он приказ нарушил и уехал из Города.

– Ну и где этот фекальный клиент? – Полибий огляделся. Ни Гая, ни Схолы в таверне не было – единственные, кроме Клодия, конные, они наверняка ускакали. – Гай! Собака! Отброс арены! Убью! Задушу голыми руками!

– Зосим! Помоги! – Клодий вытащил из ножен кинжал и протянул вольноотпущеннику. – Разрежь тунику.

Резать было несподручно, хотя кинжал был из хорошей стали и острый. Но ткань пропиталась кровью, щегольская бахрома слиплась сосульками. Кое-как расправившись с плотным сукном и обнажив рану, Зосим направился к очагу, погрузил клинок в огонь. Когда лезвие накалилось, Зосим вернулся к патрону. Клодий молча кивнул, стиснул зубы и вцепился пальцами в край скамьи. Зосим прижал раскаленный клинок к ране. Послышалось шипение, едкий запах горелого мяса смешался с аппетитным запахом похлебки…

– Теперь перевяжи! – прохрипел раненый, переводя дыхание.

Зосим оторвал от нижней сенаторской туники полосу и перетянул плечо.

Хозяин таверны подал Клодию чашу с неразбавленным вином. Тот сделал пару глотков и выговорил вдруг:

– Секст Тедий.

Ну конечно, сенатор Секст Тедий! Еще утром сенатор, встретив Клодия в Арриции, сказал, что к вечеру собирается в Город со своими людьми.

– Эй, слушайте! – повысил голос Зосим. К нему оборотились. – По дороге в Город должен ехать сенатор Тедий с охраной. Надо продержаться до его появления. Всем ясно?

– Продержимся, – пообещал Полибий.

Клодий сделал знак кабатчику:

– Вина. Всем.

Кувшин с неразбавленным лесбосским вином стал переходить из рук в руки.

– Добрая богиня, – прошептал Зосим, – коли живыми уйдем, посвящу тебе золотую чашу.

– О чем ты болтаешь? – удивился Полибий. – Молишься женскому божеству? С чего бы это?…

Зосим не ответил, подошел к окошку и глянул наружу. Люди Милона по-прежнему держались плотной стаей. Сам Милон вышел из повозки. Гладиатор Биррия что-то ему говорил, указывая в сторону таверны. Кто-то из людей Милона принялся барабанить в дверь, но ему, разумеется, не открыли. Однако парень попался настойчивый, все колотил и колотил, будто надеялся разбить дубовую доску.

– В Тартар вас всех, – пробормотал Зосим сквозь зубы.

– Зосим, иди сюда! – Патрон поманил Зосима пальцем, тот подошел, нагнулся.

– Милон с людьми ушел?

– Пока нет, сиятельный.

– Пока. – Клодий криво усмехнулся. – Злишься на меня?

– Нет, доминус. Такого нельзя было угадать. Ведь Гай столько лет твой клиент.

– Да, печать была как настоящая. Почерк при письме на воске подделать ничего не стоит.

Они, не сговариваясь, повернулись и посмотрели на Этруска.

– А ну, иди сюда! – Голос Клодия звучал тихо, но был как лед, даже Зосиму стало не по себе.

Этруск подошел. К полным его губам прилипла фальшивая улыбка.

– Ты подделал печать?

– О чем ты, доминус? – Этруск растянул рот еще шире. – Да я никогда…

– Ты подделал печать на письме, что доставил сегодня Гай, – уже без тени вопроса в голосе продолжал Клодий.

– Доминус… Клянусь! Да я за тебя умру! – Этруск рухнул на колени. – Да я…

– Мерзавец! – ринулся к нему Полибий. – Я видел, как ты разговаривал с Гаем. – Гладиатор схватил раба за шею, будто хотел задушить.

– Я же не знал! – захрипел Этруск. – Гай сказал…

– Отпусти его! – приказал Клодий. – Ну, так что тебе сказал Гай?

– Что случайно сломал печать на письме по дороге. Сказал, что ты рассердишься. Умолял выручить. Двадцать сестерциев обещал.

Полибий сорвал с пояса Этруска кошелек и высыпал содержимое на скамью. Пять денариев.[17] И еще какие-то медяки.

– Ты нас продал, скотина, – прохрипел Полибий и отшвырнул пустой кошелек. – Что с ним делать? – Гладиатор ударил провинившегося раба пониже поясницы.

Тот рухнул на грязный пол.

– Пусть соберет деньги. Они – его, – сказал Клодий. – Он еще понадобится.

Этруск поднял голову и глянул на Клодия.

– Доминус, я же не знал, клянусь!

Клодий отвернулся. Этруск принялся ползать по полу, собирая деньги, потом забился в угол, прижимая кошелек с денариями к груди.

– Сколько же от Милона получил Гай?! – Полибий грохнул кулаком по столу.

– Скоро узнаем, – пообещал Клодий.

Зосим тем временем отозвал кабатчика в сторону:

– У тебя есть выход на крышу? Только не ври. Мой патрон не любит, когда врут.

– Есть лаз. – Кабатчик старался держаться браво, но у него дрожали губы.

– Отлично.

Зосим оглядел рабов. Надо непременно послать человека в Альбанскую усадьбу Клодия. Но кого? Лучше всего – Полибия: он смел, изобретателен и ловок. Но нет, Полибий нужен здесь. В драках на форуме он был незаменим. Этруск уже «отличился» сегодня… Да, тут нужен человек неподкупный. Взгляд Зосима упал на Галикора. Немолодой, молчаливый раб, преданный хозяину. Не из страха, а потому, что считает себя всем обязанным Клодию. На Галикора можно положиться.

Зосим отвел пожилого раба в сторону и зашептал на ухо:

– Поднимешься на крышу. По черепицам ступай осторожно, чтобы ни одна не свалилась. И спускайся так, чтобы люди Милона тебя не видели. Спрыгнешь в кусты лавра за таверной. И бегом в Альбанскую усадьбу. Беги, будто ты гонец из Марафона. Вели слугам

[17] *Денарий* – серебряная монета, равная 4 сестерциям или 16 ассам.

спрятать сынишку хозяина в каком-нибудь тайном месте. Нет, лучше не так: сам спрячь и никому не говори – где. Все понял? – Галикор кивнул – он вообще был молчун. – Клянись Юпитером Всеблагим и Величайшим, что исполнишь!

– Клянусь.

– Гляди, чтобы люди Милона тебя не приметили! – напутствовал Зосим.

Потом вернулся к патрону. Тот выглядел как будто лучше. Он даже встал, опираясь на плечо Зосима. Поднял руку, будто стоял на ростpах[18] и собирался держать речь перед народом Рима. Все разом притихли.

– Квириты![19] – воскликнул сенатор, и разношерстная публика в таверне заулыбалась. – Квириты! – повторил Клодий и даже сделал жест, будто размахивает полой тоги, – известный всему Риму жест Клодия-оратора. – Там, за дверьми, стоит Милон со своей шайкой. Видимо, ребята очень проголодались, раз не желают уходить и рвутся к нам обедать. Но вы понимаете, жратвы на всех не хватит, так что пусть Милон ищет другую таверну.

[18] *Ростры* – ораторская трибуна на форуме, украшенная таранами рострами трофейных кораблей.

[19] *Квирит* – полноправный римский гражданин.

Акт I
РИМ. ДВЕНАДЦАТЫЙ ЧАС

Картина I. Катилина

Трижды Катилина был под судом и трижды оправдан: его обвиняли в связи с весталкой, в разорении провинции и, наконец, в убийстве. Катилина не просто убил Марка Мария Гратидиана [20], а руководил расправой и сам истязал с наслаждением. Но проскрипционные списки [21] Суллы [22] освятили это убийство. Зато на консульских выборах Катилина в очередной раз провалился. Быть по своей природе жестоким неприлично. Пытать и убивать должны рабы и наемные слуги, патриций проливает кровь только в бою.

Здесь и далее – отрывки из записок Публия Клодия Пульхра, уцелевших на выскобленном пергаменте, переданном Зосиму.

5 ноября 63 года до н. э

I

– Дождь… – вздохнул Клодий, стоя под навесом вестибула[23] и кутаясь в толстый простонародный плащ с капюшоном.

Впрочем, дождь заканчивался – уже последние капли стучали по мостовой, да шумела вода в водостоках, убегая в Большую клоаку, а оттуда – в зеленые воды Тибра.

В разрывах туч мелькало синее небо. Клодий плотнее закутался в плащ и зашагал мимо глухих стен особняков, лишенных окон и однообразно повторявших друг друга. Различия вносили лишь вестибулы, одни – украшенные колоннами, другие – росписью или трофейными щитами. Несмотря на дурную погоду, на улицах царила суета – сновали слуги, носиль-

---

[20] *Марк Марий Гратидиан* – родственник Гая Мария, зверски убит по приказу Суллы во время проскрипций – толпа разорвала его на куски. Руководил расправой Луций Сергий Катилина. Гай Марий ок. 157-86 годов до н. э. – известный военачальник, выходец из Арпина как и Цицерон, победитель Югурты не без помощи Суллы, победитель тевтонов (102 год до н. э.) и кимвров, (101 год до н. э.) Семь раз избирался консулом. Был женат на тетке Гая Юлия Цезаря – Юлии. Провел военную реформу – армия фактически превратилась в профессиональную, в легионы стали набирать римских граждан из бедноты, которые прежде не имели права служить. Отныне легионеры рассчитывали только на жалованье и своего командира. В конце жизни – организатор террора в Риме. Умер почти сразу после вступления в должность консула в седьмой раз.

[21] *Проскрипционные списки* – списки граждан, подлежащих убиению без суда и следствия.

[22] *Сулла* – диктатор в 82–79 годах до н. э. Луций Корнелий Сулла (138-78 годы до н. э.) начал свою карьеру у Мария квестором, принимал участие в войне с тевтонами и кимврами. Впервые в римской истории штурмом взял Город. Победитель Митридата – война закончилась не окончательным разгромом, а подписанием Дарданского мира. Во время войны с Митридатом Сулла взял Афины и устроил там резню, но сохранил в неприкосновенности постройки. После заключения мира с Митридатом вернулся в Италию, вновь захватил Рим, разгромил сторонников Мария – сам Марий к тому времени умер и потребовал от сената назначить себя диктатором на неограниченный срок. Считается создателем римской конституции. Именно Сулла установил последовательность занятия должностей и обязательное прохождение одной должности за другой, с возрастными ограничениями. Сулла – «изобретатель» проскрипционных списков, куда по его желанию как врагов народа заносили имена граждан; проскрибированные подлежали убийству, а их имущество конфисковывалось. Однако был диктатором недолго, сложил с себя полномочия. Были выбраны консулы, а сам Сулла якобы удалился от дел. Единственным, кто осмелился открыто упрекнуть Суллу в попрании законов, был Катон Младший, один из героев этого романа, в те годы еще ребенок.

[23] *Вестибул* – площадка или дворик перед входом в дом, ограниченная с боков крыльями дома.

щики, почтари, даже знатные куда-то шествовали, накинув поверх тог толстые плащи. Уже спустившись с Палатина, Клодий нагнал лектику,[24] которую неспешно несли восемь темнокожих рабов. Неожиданно занавески носилок дрогнули, высунулась полная обрюзгшая физиономия. Брат Аппий! Какая встреча! Интересно, куда направляется старший брат? Может быть, к Лукуллу за Город, вкушать жареных дроздов? Но первым вопрос задал Аппий:

– Ты куда?

Носильщики тут же остановились. Остановился и Клодий, откинул с лица капюшон.

– Прогуливаюсь, – последовал неопределенный ответ.

– Сатурналии еще не начались! – Аппий так и кипел, он даже протянул руку, будто собирался схватить Клодия за плащ. – А ты расхаживаешь в этих серых рабских тряпках! Постыдился бы! Ты – патриций! Где твоя тога?

– Еще не Сатурналии? – почти искренне удивился Клодий. – Как жаль! Люблю повеселиться от души! Это же замечательно, когда все равны, и не надо делить людей на рабов и господ; можно пировать, обнимая одной рукой хорошенькую рабыню, а другой – хорошенькую матрону.

– Ты пьян!

– Ничуть. Пьян я был вчера и буду сегодня. Но в промежутке между вчера и сегодня я трезв. – Клодия забавляла Аппиева злость.

– Ты позоришь род Клавдиев!

– Братец, что с тобой? С чего ты решил меня воспитывать? Мне двадцать восемь, наш отец скончался, и в правах мы с тобой равны.

– Ты пьянствуешь в тавернах с рабами. Всякий сброд у тебя в друзьях! Твое место в лупанарии![25]

– Я не против. Там порой попадаются милашки, одна беда – у них такие тесные клетушки! Одну смугляночку из Вифинии я выкупил и выделил ей в своем доме покои попросторнее.

– Прекрати фиглярствовать! Ты… – Аппий замолчал, сообразив, что их перебранку слышат рабы-носильщики.

– Ну да, ты мной недоволен, я понял, – кивнул Клодий.

Тут опять хлынул ледяной дождь.

– Э, так не пойдет! – возмутился Клодий. – Ты читаешь наставления, сидя в лектике, а мне прикажешь слушать поучения и мокнуть?

Аппий нахмурился, будто, в самом деле, был готов разразиться очередной гневной тирадой, но потом вздохнул и отодвинулся в глубь носилок. Клодий запрыгнул внутрь, снял мокрый плащ и, свернув, сунул под ноги.

– Скажи носильщикам, чтобы шагали к таверне «Свиное вымя», – велел Клодий. – Там, кстати, подают отличные свиные колбаски. Не хочешь попробовать?

Аппий брезгливо скривился.

– Не хочешь? Жаль. Могли бы пообедать вместе.

– Счастье, что наш отец не видит тебя из царства Дита, – вздохнул Аппий. – Он бы опечалился, он бы рыдал непрестанно.

– Да ладно тебе! – Клодий взъерошил ладонью свои великолепные каштановые кудри. – Счастье, что он не видит нашего тупоголового братца Гая, а то бы, в самом деле, обрыдался. Гай так глуп, что даже не сумел ограбить вверенную ему провинцию. Ты читал жалобы, что

[24] *Лектика* – парадные носилки.

[25] *Лупанарий* – публичный дом.

на него подали? Это занятней речей Цицерона. Теперь его осудят – вот увидишь. Если ты не сунешь пару миллионов кому надо.

– Публий!

– Ты первый потревожил память отца.

Аппий нахмурился еще больше, отчего в лице появилось что-то обезьянье, хотя в юности Аппий был почти так же красив, как и младший брат:

– Публий, если ты не прекратишь ночные попойки и драки в тавернах, мои выборы окажутся под вопросом!

– Он волнуется за свои выборы! Братец, ты, кажется, забыл, что за тебя будут голосовать мои друзья из «Свиного вымени». Больше, извини, некому.

В этот момент носильщики остановились перед таверной, вывеской для которой служило изображение огромной свиньи. Клодий нырнул в дверь, из которой пахнуло теплом, пряностями и дымом.

– Нельзя же так себя вести! – простонал Аппий, хотя младший брат его уже не слышал.

II

Клодий уселся за стол в таверне, налил из кувшина полную чашу неразбавленного вина. Прежде чем выпить, проверил, на месте ли кошелек и кинжал. И то, и другое надо держать под рукой в таких местах. Пить здесь в одиночестве – безрассудство. Два факела освещали закопченное помещение, в очаге вспыхивал и гас притомившийся огонь. На улице – стремнина суеты, здесь – пищевой омут, где над медными крышками медленно курится пар, плывет запах петрушки и сельдерея.

Любил молодой патриций такие места – сомнительные и темные. Здесь можно встретить удивительных людей, поговорить о девчонках, гладиаторских боях, начале мира и его конце, выучить какой-нибудь мудреный прием для уличной драки и расстаться закадычными друзьями, чтобы никогда потом не встретиться.

Ноябрь. Год заканчивается. Скоро начнется новый, год новых консулов, новых преторов и эдилов,[26] старых склок в сенате и неразрешенных проблем. Какие интриги, какие схватки на форуме! И зачем? Чтобы один год повелевать этим сумасшедшим Городом на пару с каким-нибудь идиотом, а потом удалиться от дел и смотреть, как другие набивают свои кошельки? Разве не безумие, что народ, покоривший весь мир, год от года становится все беднее! Разве не безумие, что воинственные римляне не жаждут больше служить в легионах; разве не безумие, что в этот великолепный Город стекаются сокровища со всего мира, а следом сюда же стекаются подонки со всех концов огромной Республики, все мерзавцы, преступники и подлецы?

Клодий выпил полную чашу хиосского вина, но не почувствовал хмеля. Человек шесть подозрительных личностей о чем-то совещались в темном углу, да еще три философа, явно вольноотпущенники, драли глотку, споря о цели бытия и природе богов, готовые вцепиться друг дружке в растрепанные бороды. Один философ тайком что-то записывал – чужие мысли, надо полагать, чтобы выдать потом за свои. И правильно делал. Разве можно удержать при себе мысль? Высказал – улетела. И, может быть, не умрет. Если проходимец-бродяга запишет ее и употребит. Но философия сейчас мало кого интересует. Теперь в Риме говорят о пирах и безумно дорогих рыбных блюдах, о драгоценных камнях и драгоценных шелках, что привозят с Востока, – они стекают с пальцев летним дождем и сверкают, как солнце. Где прежняя римская суровость, где строгость жизни, доходящая до аскетизма, когда

[26] *Эдил* – магистрат, ответственный за порядок и благоустройство Города.

со всего Города – о, насмешка! – для приема послов смогли собрать по ложечке и кубку один-единственный столовый прибор из серебра?

Но жизнь меняется, и порой – слишком быстро.

Кожаная занавеска в дверном проеме рядом с кухней дрогнула, в зал выглянула смуглая девица. Ее наряд – узенькая нагрудная повязка и полупрозрачная юбка с разрезами – был украшен стеклянными бусинами. Танцовщица. Девушка обвела взглядом гостей, приметила Клодия. Узнала. Да, в любой таверне его узнают – от этой славы ему не уйти.

– Привет, Красавчик! – Девушка подмигнула ему и улыбнулась. Зубы у нее были ровные, белые, улыбка ее красила. Девушка об этом знала. – Что-то ты сегодня грустный. Станцевать тебе? – Она вызывающе повела бедрами. – Могу с раздеванием, если дашь серебряный денарий.

Клодий бросил ей монету. Девушка не сумела поймать, и монета, звеня, покатилась по полу. К добыче рванулись сразу двое – танцовщица и один из философов. Девушка оказалась проворней. Клодий расхохотался:

– С философами надо держать ухо востро!

– Так как насчет танцев, Клодий?

– Не сейчас! И не кричи мое имя на всю таверну. – Он приложил палец к губам.

Но предупреждение запоздало. Один из компании в темном углу тут же поднялся и направился к патрицию. Краем глаза Клодий видел, как человек подходил – закутанный в плащ и под этим плащом явно скрывающий меч или кинжал.

– Можно рядом с тобой присесть? – спросил посетитель.

– Нельзя, видишь, все места заняты сиятельными членами сената. – Клодий поднял голову. Перед ним стоял Луций Сергий Катилина, в простой тунике из грубой шерсти и сером плаще с капюшоном, точь-в-точь таком, как у Клодия.

В сорок шесть лет римлянин должен выглядеть солидно, выступать неспешно, уметь красиво говорить, но при этом не забывать искусство владения мечом и копьем. Катилина был худ, порывист, угловат, как подросток. Черные слишком длинные волосы торчали во все стороны. Но в этом человеке чувствовалась бешеная энергия, и многих к нему влекло, будто магической силой.

– Неподходящее место для патриция из рода Клавдиев. – Катилина улыбнулся. Улыбка эта не сулила ничего хорошего.

– Для патриция из рода Сергиев подходит не больше.

Приятели Катилины подошли следом. Клодий узнал Цетега и Марция. Вряд ли Катилина и его дружки явились сюда лишь затем, чтобы перекусить свиными колбасками.

– Друзья мои, не кажется ли вам странным, – Катилина повернулся к спутникам, – что Публий Клодий Пульхр сидит в таверне «Свиное вымя» в одиночестве и пьет вино. – Катилина взял чашу Клодия, понюхал – хиосское вино, причем не разбавленное. Совсем неплохое для такой дыры.

Цетег изобразил улыбку. Марций остался невозмутим.

– А мне почему-то кажется, – продолжал Катилина, и лицо его исказилось, – что ты шпионишь за мной, Красавчик! – Он грохнул кулаком по столу так, что и чаша, и кувшин подпрыгнули, а деревянная столешница треснула вдоль – мятежный патриций обладал поразительной силой. – Так что ты здесь делаешь? – Голос его мгновенно вновь сделался вкрадчив.

– Жду Гая Цезаря.

Катилина расхохотался:

– Представь, мы тоже ждем Цезаря.

– Отлично. Подождем его вместе. – Клодий сделал приглашающий жест. – Эй, хозяин, вели, чтобы принесли чаши для моих друзей!

Мальчишка-прислужник мгновенно выполнил просьбу, не дожидаясь окрика кабатчика.

Луций Сергий уселся напротив Клодия. Руки его двигались по столу непрерывно, будто он вязал невидимые узлы.

– Луций, оставь его. Он нам не помешает, – сказал Цетег.

– Э, нет. Или, кто-то думает, я мог забыть, что Красавчик был обвинителем на моем процессе. Он – меня – обвинял.

– Тебя оправдали, – напомнил Клодий.

– Не твоими стараниями, любимчик Цицерона!

– Что ты имеешь против консула Цицерона?

– Что я имею против Цицерона?! Вздумал шута разыгрывать? Консул Цицерон провалил меня на выборах. Он представил дело так, будто выбери меня народ – и Риму конец. Он клялся, что я опаснее чумы и Ганнибала, вместе взятых.

– Цицерон – прекрасный оратор, – поддакнул Клодий.

– Кучка мерзавцев захватила власть в Республике. Все остальные, патриции и плебеи, стали чернью, зависящей от их высокомерия. Тебе такое положение нравится, как я посмотрю.

«Кучка мерзавцев – это сенат и, прежде всего, оптиматы,[27] которых так любит Цицерон», – уточнил про себя Клодий высказывание Катилины.

– Высшая власть принадлежит народу, – сказал он вслух.

– Народ! О боги, ты сказал «народ»?! Какой народ? Республика давно уже не прежняя. Рим похож на шлюху, которую посещают все похотливые козлы по очереди – были бы деньжата.

– Но все равно это самая желанная красавица в мире, – перебил Клодий.

Катилина тут же подхватил:

– Женщину надо держать под опекой, даже если в душе она – волчица. Тот, кто этого не видит, – дурак и слепец. О чем только думают эти идиоты? О чем? – Он схватил Клодия за плечо и тряхнул, как будто тот должен был отвечать за всех сенаторов, вместе взятых. – Ответ прост: лишь бы сохранить свою власть, свое богатство, свое *положение*. Любой намек на перемены приводит их в бешенство, и они вопят: «Рим гибнет!» – Катилина смотрел куда-то поверх головы Клодия – сквозь настоящее, в дальнюю даль, во тьму. – Они придавили своими толстыми задницами Республику. Остальным ни вздохнуть, ни двинуться. На что же надеются оптиматы? Что наш римский бездельный люд, который разучился работать и просиживает целыми днями в кабаках, и дальше будет так сидеть? Что провинции год за годом будут сносить бессовестные поборы? А послы соседних народов будут смотреть на жирные рожи наших сенаторов и восторгаться величием Рима?

– Что ты хочешь сделать? – спросил Клодий, хотя и так уже понял, на что намекает собеседник.

– Огромное тело фактически лишено головы. Я готов дать ему новую голову. Свою.

Вдруг представилось Клодию, что голова Катилины с длинными черными волосами, с холеной бородкой венчает огромное тело Республики – столь огромное, что даже богам не окинуть его взглядом: от Геркулесовых столбов и Испанских владений на Западе до Ливийских песков и Понтийского царства – на Востоке. И это странное видение уродливого кентавра вызвало на губах Клодия невольную улыбку.

– Хочу, чтобы ты был на моей стороне, Публий.

---

[27] *Оптиматы* – аристократическая «партия» в Риме. Деление политической римской элиты на оптиматов и популяров-демократов довольно условное. Оптиматы – богатые, консерваторы, «лучшие» – так можно определить эту часть общества и их сторонников в сенате.

– Я уже почти твой друг. – Клодий бросил взгляд на дверь.

Цетег шагнул ближе и выхватил кинжал Клодия из ножен, после чего отступил, демонстративно поигрывая трофеем.

– Просто так моими друзьями не становятся. Друзья обязаны оказывать друг другу благодеяния, – усмехнулся мятежный сенатор.

– Как мне облагодетельствовать тебя, Катилина? – было не понять, шутействует молодой патриций или всерьез желает услужить.

– Убить Аппия Клавдия Пульхра.

– Моего брата Аппия? – переспросил Клодий ошарашенно. – Зачем? У него куча детей. Мне после него не достанется ни асса.

– Дело не в деньгах.

Клодий понял, что из таверны ему живым не уйти.

– Это шутка? – Он сумел улыбнуться.

– Нет, я сегодня не в настроении шутить. Но, пожалуй… Можно сохранить Аппию жизнь. Если ты прикончишь Цицерона. Ты же бываешь у консула в доме. Ты – его друг и почти телохранитель.

– Думал, ты лично жаждешь это сделать и никому не уступишь подобного удовольствия.

Катилина щелкнул пальцами, подзывая своего вольноотпущенника, что сидел в углу, пока его господин вел беседу.

– Луций, подай-ка сюда таблички и стило.

Вольноотпущенник положил на стол перед Клодием навощенные таблички и бронзовое стило.

– Хочешь хлебнуть? – Клодий протянул вольноотпущеннику свою чашу. – Отменное винцо. У тебя, парень, вид какой-то прибитый, щеки бледные. Пей, чего смутился?

– Пиши, – приказал Катилина.

– Что именно? – Клодий попытался притвориться непонимающим.

– Обязательство убить Цицерона. Это пароль, который откроет перед тобой дверь таверны. Надеюсь, кольцо с печатью при тебе?

Клодий взял стило.

– А если я не сумею убить консула? Вдруг Цицерон отобьется?

Это предположение вызвало дружный хохот в компании Катилины. Только Луций Сергий не улыбнулся.

– Главное, ты напишешь обязательство. – Катилина погладил свою холеную треугольную бородку, похожую на приклеенный к нижней губе лоскут черной материи.

– Понимаю, ты хочешь взять за образец Суллу.

– Взять за образец? Может быть. Сулла сделал великое открытие, придумал проскрипционные списки. Помнишь, как все было? Да нет, ты не можешь помнить, в те дни ты был мальчишкой!

– Кое-что помню.

Клодий склонился над табличкой.

– Тебе нравилось убивать собственноручно? – спросил молодой патриций, а стило его быстро царапало воск.

– Запах крови волнует! – Катилина улыбнулся. – Эй, хозяин, подай-ка нам еще вина. Неразбавленного.

Катилина отвернулся.

В тот же миг Клодий всадил стило в ладонь Катилине, пригвоздив того к столу. Бронзовый, остро отточенный стержень разил не хуже кинжала. В следующий миг Клодий отшвыр-

нул вольноотпущенника и выпрыгнул из-за стола. Цетег кинулся следом, ударил кинжалом, но Клодий увернулся, саданул Цетега кулаком в лицо и прыгнул к двери.

Выскочив наружу, беглец налетел на раба, что снимал с повозки амфору с вином. Раб упал на мостовую, амфора разбилась. Клодий подскочил к телеге, подналег плечом и опрокинул. Амфоры покатились к порогу. Дверь распахнулась, поток вина хлынул внутрь. Клодий кинулся бежать. Сзади слышались крики.

Он мчался по улице и хохотал, представляя, как Катилина и его друзья барахтаются на полу таверны в лужах вина. Жаль, хорошее было вино, хиосское.

Но бежать прямиком домой не стоило – его наверняка попытаются перехватить по дороге. Красавчик нырнул в боковую улочку. Был один дом на Палатине, где его ждали в любой час дня и ночи.

III

Разумеется, речь шла о доме его сестры Клодии. Привратник, увидев припозднившегося гостя, ничуть не удивился – подобные визиты молодого человека вошли в привычку. Клодий вошел не таясь, знал, что хозяина нет дома: претор Метелл Целер уехал набирать войска по поручению сената – ходили слухи, что в Этрурии люди Катилины сколачивают боевые отряды.

– Домна в малом атрии, – сказала попавшаяся навстречу служанка.

Малый атрий[28] Клодии был местом уютным, почти интимным – стены украшали мраморные барельефы, на полу был выложен геометрический черно-белый узор из мраморных плиток. Позолота на потолке – невиданная роскошь, которую Катон порицал с пеной у рта. Многие матроны специально напрашивались в гости, чтобы поглядеть на кессонный потолок с покрытыми золотом балками и выкрашенными красной охрой углублениями – будто множество драгоценных ларцов раскрыла рука мастера над головой хозяйки. В малом атрии было большое окно с узорной решеткой. Летом оно открывалось, но сейчас было плотно закрыто.

Ах, Клодия, Клодия! Она слыла первой красавицей в Риме. Ее тело становилось только краше с годами, вьющиеся каштановые волосы отливали золотом, а взгляд ее удивительных глаз заставлял трепетать и юношей, и старцев. Ее прозвали Волоокой – так римляне величали богиню Юнону. Этрусская кровь сказывалась в ней куда сильнее, чем в братьях. Быть может, именно от предков-этрусков унаследовала она неутолимую жажду наслаждений и склонность к таинственным и мрачным ритуалам.

Клодий знал, что сестрица ложится поздно. Но чтобы в это время она принимала у себя в атрии мужчину – это было сюрпризом. Гость расположился на ложе, покрытом пурпурной тканью среди пышных подушек. С первого взгляда было видно, с каким вниманием этот человек следит за своей внешностью: волосы его, тщательно уложенные и напомаженные, были зачесаны на лоб, чтобы скрыть небольшие залысины, волоски на руках были выщипаны, а тунику из плотного дорогого сукна украшала бахрома. Черные живые глаза, нос с горбинкой, тонкие, почти женственные черты – это лицо запоминалось с первого взгляда. В гостях у супруги Метелла был избранный претором на будущий год Гай Юлий Цезарь.

Своим появлением Клодий прервал оживленную беседу. Цезарь предусмотрительно замолчал, но хозяйка все еще продолжала смеяться над последней шуткой гостя.

На одноногом столике изящной работы стояла ваза с поздним виноградом, чьи фиолетовые гроздья снимают с увядающих пожелтевших лоз. В серебряных чашах розовело разбавленное вино, в вазе горкой лежало перченое печенье.

---

[28] *Малый атрий* – гостиная, приемная. Атрий – парадный зал, зал приемов, обычно первое помещение, куда попадал каждый входящий в дом. Освещался через отверстие в потолке, под которым находился мелкий бассейн для дождевой воды.

– А, Публий, наконец-то! – Хозяйка повернулась к брату. Улыбка на ее полных губах предназначалась Цезарю, красавица не находила нужным это скрывать. – Что-то ты припозднился.

Клодий подошел, оперся на спинку сестриного стула.

– Надо полагать, что вы тут заняты государственными делами. – Он подмигнул хозяйке. – Какое совпадение: я только что говорил о тебе, Гай Юлий. И знаешь – с кем? Не догадываешься? Я подскажу. С Луцием Сергием Катилиной. – Он внимательно посмотрел на Цезаря. Тот ничуть не смутился и отвечал самой доброжелательной улыбкой.

– Зачем ты встречался с Катилиной? – нахмурилась Клодия.

– Мы вместе обедали в таверне «Свиное вымя». А как дела у твоего супруга Метелла, имя которого я произношу с уважением? Он уже набрал войска? Могу заверить, нам очень скоро понадобятся эти легионы.

– Послушай, Публий, прекрати! – фыркнула красавица. – Иди обсуждать эти скучные вопросы со своим другом консулом Цицероном.

– Ну вот! Ты тоже попрекаешь меня Цицероном! Как будто он растлил мою невинность. О, нет! Я хочу обсудить эти вопросы с твоим другом Гаем Юлием Цезарем. Все знают, что легионы набирают для борьбы с Катилиной. Сам же Луций Сергий считает, что войск ему для мятежа вообще не нужно. Стоит лишь поднести факел к костру – и все вокруг запылает. Надо только начать, остальное получится само собой.

Цезарь сделал вид, что не заметил вызывающего тона.

– У Катилины достаточно сторонников. Если Катилина поведет дело умно, сможет быстро набрать сотню тысяч.

– В том-то и дело! – радостно воскликнул Клодий. – Катилина ведет дело не умно, а глупо. Он мог бы призвать к оружию рабов, но после той резни, что устроили беглые рабы Спартака, не посмеет. Этот заговор – дохлое дело. Дохлее, чем моя лошадь, которая пала в прошлом году. Продавец утверждал, что она проживет двадцать лет, а кобыла взяла и околела через месяц.

– Разве ты сам не хочешь рискнуть и сделать один прыжок, чтобы получить все? – Взгляд Цезаря сделался холоден, хотя губы продолжали улыбаться.

– На дохлой лошади – нет, не хочу. Слушай, Гай, плюнь на Катилину. Я предлагаю тебе новый метод получения выборной должности! – В тоне Клодия вдруг послышалось превосходство. Будто он был старше и опытней Цезаря и поучал младшего товарища, как себя вести, хотя Цезарь был на десять лет его старше. – Все очень просто. Не стоит раздавать миллионы и подкупать тысячи людей во время выборов, как поступают нынче. Это ни к чему. Надо заручиться поддержкой нескольких сотен и нанять еще сотню гладиаторов, чтобы прогнать с Марсова поля во время голосования всех неугодных. Бравые ребята пропустят на выборы только нужных людей.

– Только пьяный мог придумать такое.

– Ошибаешься. Я придумал это трезвый. А пьяный разболтал. Спроси – почему? Да потому что у тебя красивые глаза, Гай! – Клодий расхохотался.

В этот миг дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Зосима.

– Что тебе нужно? – обернулся Клодий и скривил губы, будто глотнул уксуса.

– В Риме неспокойно, доминус, хотя по всему Городу расставлена ночная стража. Какие-то люди вертелись возле нашего дома, Полибий с привратником их прогнали. Я взял с собой на всякий случай факел и меч.

– Выйди!

Вольноотпущенник исчез, дверь закрылась.

– Опекает меня, будто нянька! – воскликнул Клодий.

– Я видел этого человека прежде. Он работал у меня, когда я был смотрителем Аппиевой дороги, – сказал Цезарь.

– Мой вольноотпущенник Зосим. Я позволил ему заниматься, чем он хочет, и не брал с него клятвы при освобождении. Он был уверен, что добьется многого, но не преуспел. Промаялся год и вернулся ко мне – служить.

– Он никогда не отказывался от работы и все делал тщательно, – казалось, Цезарю понравилось обсуждать Зосима. – Я спросил его: ради чего он старается. Ради денег? Он ответил: «Ради Рима», чем меня несказанно удивил. Вольноотпущенник чинил дорогу во славу Рима. Я заметил, что яростнее всего за права Рима дерут горло вольноотпущенники. Они обожают Республику со страстью неофитов. Сенаторы погрязли в роскоши, всадников[29] интересуют только сестерции. Пролетарии думают о дешевом хлебе. Но я уверен, что вольноотпущенник Зосим думает о Риме с куда большим пиететом, нежели мы с тобой, Клодий. Мы, патриции.

– Беседа с тобой, Гай Юлий, доставляет наслаждение, – улыбнулся молодой человек. – Но, по-моему, ты слишком задержался. Мне нужно побеседовать с дорогой сестрицей. И этот разговор не для посторонних ушей.

Матрона хотела подняться, но братец положил ей руки на плечи, и она осталась сидеть.

– Рядом с нашей милой хозяйкой я и не заметил, как утекло время, – отвечал Цезарь, не торопясь, однако, выполнять просьбу молодого нахала. – Но думаю, она сама должна решить, пора мне уходить или нет.

– Мой брат прав, час, в самом деле, поздний. – Клодия одарила Гая Юлия обворожительной улыбкой. – Но мы еще увидимся. Весь следующий год я обречена скучать, пока мой муж будет наместником в Цизальпинской Галлии вместо Цицерона. Я велю своим рабам проводить тебя до дома.

Они вышли вдвоем из атрия, а Клодий остался. Не долго думая, растянулся на ложе Цезаря, налил себе вино в оставленный будущим претором бокал и осушил залпом. Темные влажные волосы свесились на лоб, глаза затуманились.

– Цицерон не зря боится Цезаря. Каков ловкач – стоило Метеллу уехать, как он тут же забрался в его норку.

Клодия вернулась. Наверное, так выглядела Юнона, когда устраивала Юпитеру выволочку за очередную измену.

– Что на тебя нашло, братец! Что за подлые выверты! Ты фактически выгнал Цезаря из моего дома!

Клодий вскочил, привлек сестрицу к себе, впился губами в ее губы.

– Дорогая моя, – прошептал он между поцелуями. – Зачем тебе этот лысый развратник? Я буду развлекать тебя в будущем году. Если женщина прекрасна, и она мне нравится, и я нравлюсь ей, – он выдел голосом это «я нравлюсь ей», – то никакие преграды и условности меня не остановят, сестричка.

Она ответила на поцелуй, потом отстранилась. Глаза ее блестели. Блеск этих глаз многим в Риме не давал покоя. Поговаривали, что даже консул Цицерон к Волоокой неравнодушен.

– Публий, ты заметил, что Цезарь не отрицал, что он замешан в делах Катилины? – спросила она насмешливо.

– Дорогая сестрица, конечно, заметил. Я не так уж и пьян.

И он вновь попытался обнять ее.

---

[29] *Всадники* – второе после сенаторского сословие в римском обществе. На заре Республики они в самом деле служили в коннице, но во времена Цезаря и Цицерона превратились в сословие торговцев и ростовщиков, из всадников происходили откупщики-публиканы, которые брали на откуп налоги провинций и часто доводили провинции до разорения. Жадность откупщиков вошла в поговорку.

– Погоди! – Она отстранилась. Ее голос странно зазвенел, и это не понравилось Клодию. – Помнишь, как накануне свадьбы я пришла к тебе и попросила…

– Я помню, – прервал ее брат. – Но я не мог – Аппий и Гай меня бы убили утром. А Целер бы им помог.

– А, не мог! – Она рассмеялась. – Испугался. Бедненький мальчик! Я тоже боялась. Так боялась, что расплакалась навзрыд в спальне. Метелл понял мой страх. – Таким голосом могла бы заговорить змея, если бы сумела. – Он оказался чутким человеком…

– Клодия!

– Да, этот чуткий человек трахнул меня в задницу.

Клодий отвернулся, прикрыл рукою лицо, а когда убрал ладонь, матрона увидела, что брат хохочет.

– Что тут смешного? Что! – взъярилась Клодия.

– Разве не смешно? Милый анекдот. Цезарю рассказала?

– Мерзавец!

Он обнял ее и поцеловал страстным, долгим поцелуем. Она укусила его за нижнюю губу. Брат ответил ей тем же.

Клодий покинул дом своей сестры перед рассветом. Зосим замерз, дожидаясь в вестибуле, – домой он, как приказывал патрон, не ушел – должен же кто-то был сопровождать Клодия утром.

– Что у тебя с губой? – спросил вольноотпущенник.

– Идиотский вопрос. Не Цезарь же меня укусил!

Картина II. Цицерон

Римские граждане со всей Италии должны прибывать на выборы в столицу. Но даже из ближних городков люди не приезжают, их уже давно не волнует, что делается в народном собрании. Кому охота тащиться из далеких областей даже по великолепной Аппиевой дороге? Все решает кучка бездельников, что кормится в Риме дешевым хлебом. Они – истинные правители Республики. Легионеры тоже давно уже не голосуют. Они теперь служат по шестнадцать-двадцать лет, и никто не отпускает их в Город, чтобы люди, проливающие кровь за Республику, могли судьбой этой Республики распорядиться. Да и какое им дело до выборов в Городе? Их интересует только одно: велика ли будет добыча в походе и наделят ли ветеранов хорошей землей, когда срок службы выйдет.

Из записок Публия Клодия Пульхра

67 ноября 63 года до н. э

I

Клодию удалось вздремнуть лишь пару часов перед рассветом. Только-только начал ему сниться любимый сон – как бьется он с парфянами во главе небольшого отряда ветеранов, подползает под увешанную доспехами лошадь, чтобы выпустить несчастной скотине кишки, – как Зосим разбудил его.

Однако Клодий не торопился вставать. Лежал в темной спаленке, вспоминая вчерашнюю встречу с Катилиной. Странное чувство вызывал этот человек – страх, восхищение и одновременно презрение. Среди честолюбивых римских аристократов Катилина был самым честолюбивым, среди погрязших в долгах мотов – самым несостоятельным должником. Вчера Катилина предлагал убить брата Аппия. Зачем? Из-за того, что Аппий Клавдий – влиятельный член сената?

Возможно. Цицерон утверждает, что Катилина хочет перебить сенат и сделаться диктатором. У Цицерона почти собачье чутье на диктаторов – в этом ему не откажешь. Но смертный час Республики еще не настал, она еще шевелит вразнобой своими могучими руками и ногами, хотя голова страдает от ярко выраженного старческого слабоумия. И немудрено. Четыреста пятьдесят лет – солидный возраст! Да только Катилина не блещет умом. Перебить весь сенат! Заговорщики даже не находят нужным скрывать свои планы.

Клодий поднялся, ополоснул лицо холодной водой, наскоро перекусил хлебом и запеченными в золе яйцами, запил нехитрый завтрак подогретым разбавленным вином с медом, после чего велел позвать клиентов в атрий. Здесь он одарил просителей мелочью и отпустил с поручением собирать слухи в Городе и об услышанном тут же сообщать патрону, после чего поспешил к дому консула. Когда он шел через форум, то заметил, что даже днем здесь выставлена стража.

И вдруг увидел, что впереди шагает Катилина. Не было никакого сомнения: мятежный сенатор шел туда же, куда и Клодий. Публий ускорил шаги и, расталкивая левой рукой встречных, правой сжал рукоять меча. Катилина тоже прибавил шагу, побежал. Тога парусом развевалась за спиной. То и дело он отбрасывал длинные черные волосы с лица и размахивал рукой, как оратор на ростpах. Кисть была перевязана. Заметив повязку, Клодий усмехнулся.

Дом консула охраняло несколько юношей-аристократов – они очень гордились своей миссией, щеголяли новыми сверкающими доспехами и старались придать молодым лицам самые зверские выражения.

Видимо, эти гримасы должны были превратить молокососов в суровых ветеранов.

– Луций Сергий Катилина хочет видеть консула, – сообщил гость охраннику и тут только, кажется, заметил Клодия. – А, Красавчик, и ты здесь. Неужели охраняешь этого выскочку?! – Катилина расхохотался. – Ты?! Потомок Аппия Клавдия Слепого! Ладно, не бойся, я и пальцем не трону нашего замечательного консула, клянусь Геркулесом! Оружия у меня нет. – Он демонстративно поднял полу тоги.

Охранники нехотя раздвинулись, пропуская посетителей в дом. Первым вошел Клодий, стараясь держаться впереди Катилины. Цицерон встретил их в полутемном маленьком атрии, где горело несколько светильников и стояла жаровня с углями. Отверстие в потолке было затянуто кожаным полотнищем, и дым, будто нехотя, просачивался сквозь щели. Быть может, поэтому глаза у Цицерона покраснели.

– Луций Сергий Катилина приветствует консула Марка Туллия Цицерона, – проговорил Катилина, оглядывая с улыбкой отнюдь не роскошное помещение. – Зашел к тебе с просьбой, маленькой такой просьбочкой, лучший в мире консул!

– Слушаю, – кашлянул Цицерон, подавившись то ли дымом, то ли лестью.

– Видишь ли, замечательный ты наш Цицерон, – продолжал Катилина, тоже неожиданно заходясь кашлем и разгоняя дым рукою. – Угли-то у тебя совсем не прогорели, выдрал бы своих бездельников-рабов.

– Я слушаю, – повторил Цицерон строго.

– А, ну да, да. Меня обвиняют в том, что мои люди якобы хотят поджечь Рим и устроить резню в Городе. Ведь так? Обвиняют?

– Именно так.

– Вот и отлично! – радостно воскликнул Катилина. – Я хочу пожить у тебя в доме.

– У меня? – Хотя обычно в беседе у Цицерона всегда находилось для ответа колкое замечание, сейчас он явно опешил.

– Конечно! В замечательном доме нашего замечательного консула. – Катилина опять закашлялся. – Дом, конечно, так себе. К тому же не собственный, а наемный. У тебя нет собственного дома в Риме, так ведь? Да и откуда у тебя может быть дом в Риме? Ты приехал из Арпина и человек новый.[30] Впрочем, я выносливый и духом, и телом, готов жить в жалкой хижине, питаться бобами и хлебом. Ну, так что, приютишь меня ради безопасности Республики?

– Зачем ты мне нужен? Какой от тебя толк?

– Я? Тебе? Разумеется, не нужен. Но ты убедишься, что я ни в чем не виновен. Невинен и чист. – Катилина вытянул вперед руки, будто демонстрировал, как чисты его ладони.

И Цицерон, и Клодий уставились на руки Катилины. Этими руками двадцать лет назад Луций Сергий выдавил глаза Марку Гратидиану. Несчастный Гратидиан был еще жив, когда ему вырвали уши и ноздри, отрезали язык, сломали руки. Толпа шалела от крови, добровольцы за волосы тащили на форум отрубленные головы… И сейчас вдруг почудилось Клодию, что Катилина держит на ладонях вырванные глазные яблоки, и горячая кровь дымится. Клодий покосился на Цицерона. По тому, как застыло лицо консула, ясно было, что Марк Туллий думает о том же – о Гратидиане и рассказах о звериной жестокости Катилины.

– Что-то не так? – Сергий опустил руки. – Итак, я сегодня же переезжаю.

---

[30] *Новый человек* – выскочка, безродный человек, достигший успехов. В Древнем Риме новый человек – это тот, чьи предки не занимали высших государственных должностей, он сам поднялся наверх благодаря личным качествам.

– Нет, – мрачно выдохнул Цицерон. – Мясники и виноторговцы отказывают отпускать тебе в долг, и ты решил подкормиться в моем доме, но твоим надеждам не суждено сбыться.

– Жаль.

Катилина вдруг повернулся и метнулся к молодому патрицию. Блеснуло лезвие кинжала. Клодий скрестил руки, защищая горло – грудь прикрывал панцирь.

– Что с тобой, друг мой Публий? – усмехнулся Катилина, вертя в пальцах серебряную фибулу.[31] – Я пошутил, а ты испугался, как вчера. Трусишь, точно ребенок. Изувечил мне руку. Смешно римлянину так трусить! – И Катилина выбежал из атрия.

Цицерон покачал головой:

– Что за манеры! Что за речи! И этот человек воображает, что может управлять Республикой!

– Дурные манеры – не самое большое преступление заговорщика, – заметил Клодий. – Послушай, сиятельный, Катилина подал хорошую мысль.

– Разве у этого человека есть хорошие мысли?

– Если немного откорректировать, их можно будет назвать дельными. Так вот: почему бы *мне* не пожить у тебя несколько дней? Я бы защищал тебя денно и нощно. Ходят слухи, тебя хотят убить, консул.

– Серьезно? Ты слышал? – обеспокоился Цицерон. – Ну, разумеется! Я – единственный, кто еще печется об Отечестве.

– Мне намекнули…

Консул постарался принять важный вид, хотя голос его дрожал:

– Буду тебе благодарен, если останешься. И никогда не забуду об оказанных благодеяниях. Ведь тебе что-то нужно от меня, мой друг?

– Нет, совсем ничего. Пока.

Оба рассмеялись. Смех Цицерона получился несколько нервный.

Интересно, Катилина сам явится убивать Цицерона, или пришлет своих друзей? Самое забавное, что дерзкая затея может удаться. Сейчас такое время, когда может случиться все что угодно. Но что дальше? Заговорщики продержатся у власти несколько дней, от силы месяц. Чем дольше – тем хуже. Будут убийства, грабежи, сброд будет насиловать женщин и детей, а потом с Востока явится Помпей Великий со своими легионами и войдет в Город. Сулла в свое время наглядно доказал, что Рим невозможно оборонять без хорошего войска. У Катилины нет армии, так что Помпей без труда повторит урок своего учителя и станет повелителем Рима. Уже навсегда.

Помпей – повелитель Рима?

«Нет, клянусь Геркулесом, мне не нравится эта перспектива! – усмехнулся Клодий. – Потому как Помпей может у власти задержаться».

Катилину придется остановить, пока он не поднес факел к костру и все вокруг не запылало. Только сможет ли Цицерон справиться с заговорщиками? Если бы речь шла о болтовне, то волноваться не стоило – этим видом оружия консул владеет в совершенстве. Но если дело дойдет до мечей, драться придется другим.

II

Клодий остался ночевать у Цицерона. Послеобеденная беседа за чашей разбавленного фалерна затянулась. Наедине, не заботясь о красоте фраз и славе римского народа, выходец из Арпина был очаровательным и остроумным собеседником. Исчезли манерность и напы-

[31] *Фибула* – металлическая застежка в виде броши.

щенность, Клодий видел перед собой усталого немолодого человека, который прекрасно понимает, что происходит в Республике.

Как бы между прочим Клодий пересказал хозяину слова Катилины о сенате и невозможности дальнейшего безголового существования.

– Я и сам вижу, какие пустые люди наши отцы-сенаторы! – воскликнул Цицерон в сердцах. Он даже привстал на ложе. – О чем только они думают? О Республике? Нет! О своих садках, где разводят драгоценных рыбок. Остальное слишком незначительно по сравнению с рыбными садками. Но что делать? Если бы явился ректор-избавитель, и смог бы излечить нашу Республику, вернуть ей утраченную доблесть, утраченный аскетизм, прежние честность и честь, и вновь вручить власть сенату и народу Рима! – Цицерон так разволновался, что на лбу выступила испарина, и он промокнул лоб салфеткой. – Воровство, подкуп, обман, растраты, вымогательства, лень. Римляне стали вместилищем пороков, как прежде были образцом добродетели.

– Мы не преувеличиваем доблесть наших предков?

Цицерон саркастически скривил губы:

– Сам послушай, что ты сказал, Публий. Преувеличиваем доблесть! Разве доблесть бывает излишней? Мне кажется порой, – о, тяжкие подозрения! – что многие римляне мечтают о покое и хорошем господине! – Цицерон опять сбился на патетический тон, но говорил он искренне. – Увы, царская власть тяжка даже для какого-нибудь перса, а для римлян она позорна!

– Так где же выход? И есть ли он вообще?

Цицерон сделал значительную паузу, потом изрек:

– Согласие сословий. Вот единственное решение. Все должны объединиться – сенаторы, всадники, плебс, вольноотпущенники и рабы, – и спасти Республику.

– Интересно, что труднее, – задумчиво проговорил Клодий, – примирить рабов с хозяевами или сенаторов друг с другом? Мне кажется, что последнее почти невозможно, хотя и первое проблематично.

– Рим – одна большая семья, он так начинался, так рос, и если мы забудем об этом, то погибнем.

– Так все вместе или один-единственный ректор-избавитель?

Цицерон довольно долго молчал.

– Все… – сказал наконец. – Все вместе. Но ректор тоже должен быть.

На этой фразе разговор прервался. Прибежал запыхавшийся раб и протянул консулу запечатанные восковые таблички. Цицерон прочел письмо и тут же протянул Клодию. Таинственный доброжелатель или доброжелательница, похоже, что почерк был женский, предупреждал, что поутру к Цицерону под видом дружеского визита явятся убийцы, и даже назывались имена – Марций и Цетег. Ага, та самая парочка, что сопровождала Катилину накануне вечером. Значит, ребята решили идти до конца.

– Ну и что? – спросил Клодий, зевая. – Двери заперты, рабы караулят у входа. Когда придут, тогда с ними и поговорим.

– Вдруг они решат напасть ночью? По крыше заберутся внутрь. Перистиля[32] в доме нет, но в атрий можно проникнуть через отверстие в потолке. – Цицерон взял чашу, поднес к губам. Рука его дрожала. – Во имя Судьбы! – прошептал консул.

– Что я должен сделать во имя Судьбы? – усмехнулся Клодий. – Спать в атрии вместе с моим верным Зосимом?

– Я велю принести туда жаровню, – торопливо сказал Цицерон.

---

[32] *Перистиль* – небольшой внутренний садик с колоннадой и бассейном посередине, обычно украшенный скульптурами.

– Так пусть туда принесут ложе. – Клодий сгреб с обеденного ложа ткани и подушку.

– Одно? Два? – переспросил консул.

– Одного достаточно. Я буду трахать Зосима всю ночь и тогда не провороню твоих убийц.

Но Цицерон, видимо, не понял насмешки, хотя в обычное время ценил хорошую шутку.

– Два ложа, – решил перейти на серьезный тон Клодий. – Мой вольноотпущенник не привык спать на полу. И я тоже.

III

Жара от жаровни не было, считай, никакого. Так что пришлось еще, кроме одеяла, накрыться плащом, но все равно было холодно. Однако и от холода была польза: Клодий часто просыпался, малейший шум заставлял его вскакивать. Впрочем, тревожился он напрасно – убийцы не пришли.

Засветло Зосим поднялся, разбудил патрона и помог надеть панцирь. У Клодия были меч и кинжал. У Зосима – тоже оружие парное.

– Ты хорошо дерешься, Зосим. Не хочешь пойти в гладиаторы?

– Сколько их будет? – спросил Зосим, пропустив обычную шуточку патрона мимо ушей.

– Двое минимум. Но, может быть, и две центурии.

– Справимся.

– Не сомневаюсь.

Незваные гости, как сообщалось в письме, пожаловали на рассвете. Поначалу Клодий подумал, что это клиенты с зарей ломятся к консулу выказать почтение, но потом решил, что для клиентов эти парни кричат слишком громко и бранятся, не стесняясь в выражениях.

Клодий выхватил меч и рванулся в вестибул. Он не ошибся: явились не клиенты, а друзья Катилины – Марций и Цетег. В дом их не пускали привратник и двое рабов Цицерона. В тот момент, когда Клодий отворил дверь из атрия в вестибул, Цетег обнажил меч. Увидев Клодия, тоже с мечом, он отступил и оглянулся – за дерзким гостем маячили еще трое. Клодий не стал оглядываться, он и так знал, что у него за спиной стоит Зосим.

Рабы Цицерона, очутившиеся между двумя патрициями, причем у каждого была репутация безумца, ринулись в крошечную каморку привратника и уж неведомо как втроем в нее забились. Дверь, однако, закрыть не удалось, и спина одного из них, довольно широкая и, можно сказать даже, жирная, выпирала наружу. Клодий невольно расхохотался. Цетег ничего не понял и недоуменно поглядел на свой меч, будто усомнился – настоящий ли. А Клодий ничего с собой поделать не мог, он продолжал хохотать, видя, как старательно взад-вперед двигает спиной и задницей раб, пытаясь забиться в привратницкую, – можно было подумать, что они там, прилипнув друг к другу, решили предаться Венериным усладам.

– Пришли приветствовать консула? – выдавил Клодий сквозь смех. – Извините, квириты, но на сегодня все приветствия отменяются. Консул вчера объелся, мается животом. Оставьте прошения на табличках.

Внезапно Марций из-за спины Цетега нанес быстрый колющий удар, – он держал клинок обнаженным в складках тоги. Острие меча лишь оцарапало панцирь Клодия. Вслед за первым выпадом почти одновременно Марций и Цетег подались вперед. Клодий и Зосим оказались с ними лицом к лицу – ни развернуться, ни податься назад. Можно было лишь отбивать удары и разить самим. Выпад в лицо Клодий отбил, клинок Цетега отколол кусок штукатурки от стены. В ответ атаковал Клодий: раздался скрежет металла о металл – у Цетега под тогой была надета кольчуга. Зосим, отражая натиск, сильно толкнул патрона в

плечо, но не было времени даже скосить глаза – как он там, не ранен ли. В узком пространстве не до сложных приемов, проиграет тот, кто устанет первым.

Тут послышались голоса, из-за угла соседнего дома вышли юноши – те, что накануне так старательно изображали охранников консула. Они выспались и теперь явились демонстрировать преданность. Нападавшие спешно отступили и, не сговариваясь, кинулись бежать. Цетег упал, но никто не попытался задержать заговорщиков.

Клодий не отказал себе в удовольствии кольнуть раба острием клинка пониже спины.

Тот ойкнул совершенно немужественно.

– Вылезай! – приказал Клодий. – Иди, скажи хозяину, что приходили Цетег и Марций, но теперь уже ушли. Про драку расскажи подробно! Слышал?

– Да, доминус, – пробормотал раб, выбираясь из привратницкой.

Хотя вряд ли он видел что-то, кроме затылка и шеи своего собрата.

Клодий привалился к стене.

– Хорошо, что твой отец заставлял нас постоянно тренироваться, – сказал Зосим.

Патриций кивнул и отер пот с лица. Их отец каждодневно обучал сыновей владению оружием. Но братьев было трое, и для Публия поначалу не находилось партнера. Он, самый младший, тренировался с Зосимом.

Раб вернулся бегом:

– Консул давно уже встал и ждет тебя в таблине,[33] доминус. – Раб говорил с преувеличенной тревогой, строя при этом нелепые рожи, которые, видимо, должны были означать радость и восхищение.

– Лучше бы консул ждал меня в триклинии,[34] я не успел позавтракать, – пробормотал Клодий.

Цицерон, чисто выбритый и причесанный, в тщательно уложенной тоге, был мертвенно бледен. Вместе с господином в таблине находился лишь молодой раб-секретарь Тирон. Когда Клодий откинул кожаную занавеску таблина и вошел, первым делом взгляд его упал на одноногий столик из цитрусового дерева. Две серебряные чаши были наполнены разбавленным вином, а рядом на тарелке лежали ломти хлеба и сыр. Все же старый болтун догадался, что его защитнику необходим завтрак. Клодий уже было протянул руку, но чашу взять не успел – Цицерон обнял его, будто Клодий был его любимым сыном.

– Они хотели убить меня, мой мальчик! Они приходили меня убить!

– Точно об их намерениях ничего сказать не могу, но они так рвались в атрий, что готовы были прикончить меня, – отвечал Клодий, прикидывая, как бы добраться до еды и питья. – По-моему, надо выпить за нашу маленькую победу. Как ты думаешь, Марк Туллий?

– Да, да, всенепременно. Теренция еще спит. Мой милый Тирон предложил перекусить здесь, в таблине.

Они уселись за одноногий столик. Изящная безделка, за которую, рассказывали сплетники, консул выложил полмиллиона сестерциев. Марк Туллий едва пригубил вино, ну а Клодий с удовольствием осушил чашу до дна и протянул Тирону – тот наполнил ее вновь.

– Зосим! – крикнул молодой патриций.

Верный слуга тут же возник на пороге таблина.

– Держи! – Клодий отдал ему свою чашу с вином и вложил в руку самый большой кусок хлеба с сыром. – Ты заслужил этот завтрак, клянусь Геркулесом!

---

[33] *Таблин* – комната хозяина, что-то вроде кабинета, обычно располагалась рядом с атрием, отделялась от атрия кожаной занавеской.

[34] *Триклиний* – столовая. Обычно в ней располагались три ложа буквой «П». Посередине ставился стол. Самым почетным было среднее ложе.

Картина III. Эпистолярный жанр

У Цицерона не было никаких свидетельств против заговорщиков и лично против Катилины. Консул попросту произнес блестящую обличительную речь в сенате. Отцы-сенаторы не пожелали сидеть рядом с Катилиной и быстренько пересели. Со всех сторон на Луция Сергия градом посыпались обвинения. Катилина вскочил, взбешенный, и закричал: «Вы хотите столкнуть меня в пропасть? Ну, хорошо! Только помните: пожар, горящий во мне, я потушу под развалинами!» Цицерону не хватило смелости немедленно его арестовать. В ту же ночь Катилина бежал из Рима. В Этрурии для него уже вербовали войска. Неужели ему удалось поджечь костер?

Из записок Публия Клодия Пульхра

23 декабря 63 года до н. э

I

Клодий принял ванну в своей баньке возле кухни. Ванна была вделана в пол, украшенный черно-белой мозаикой с изображениями спрутов и прочих морских чудищ, что свивались в замысловатый узор; если на мозаику проливалась вода, казалось, что твари шевелятся. Пол был теплым, и вода в ванной почти не остывала. Клодий прихватил с собой серебряную чашу с неразбавленным хиосским вином и так лежал, сибаритствуя.

Молодой патриций смертельно устал. С утра он принимал клиентов, потом был на форуме, после чего заглянул к сестрице Клодии, благо муж ее по-прежнему вдалеке; потом, переодевшись, бродил по тавернам, собирал слухи. Слухи, слухи, слухи…

Говорили о мятежах и пожарах, ждали Помпея, как будто тот мог чудом перенестись со своими легионами с Востока в Город. На ночную стражу надеялись, но слабо, хотя она была наготове и патрулировала Рим не только по ночам, но и днем. Что-то вызревало нарывом под каменной коркой ветхих инсул,[35] под шепот вольноотпущенников и беглых рабов. Все ждали огня, дымом уже попахивало изрядно.

Клодий задремал, лежа в ванной, и вдруг очнулся – Зосим тряс его за плечо.

– Я все узнал! – прошептал Зосим. – Я видел галлов… Сейчас они в доме своего патрона Фабия. Но послы аллоброгов[36] вот-вот выедут из Города.

– Ну и пусть едут. Взяток они никому не дают, а справедливости требуют. Лучше им вернуться в свою Галлию. Все равно ничего не добьются. – Клодий плеснул в лицо холодной водой из серебряного кувшина, прогоняя сонливость.

– У галлов с собой письма заговорщиков. Они уже донесли об этом консулу. Представь: люди Катилины сговорились с галлами!

– Да? – Клодий прикинул, что из этого может выйти. Для заговорщиков это почти наверняка смертный приговор: если письма с подлинными печатями, то интриганам не удастся отпереться.

– Одно из писем – Цезаря.

– Шутишь? Галлы, что, показывали тебе письма?

---

[35] *Инсула* – многоквартирный дом, в четыре-пять этажей. Дословно – остров.

[36] *Аллоброги* – одно из галльских племен, в то время уже находившееся под властью Рима в провинции Нарбонская Галлия.

– Они взяли меня переводчиком. Моя мать из этого племени, я знаю их язык.

– Ну да, да, я помню, как ты любил в детстве болтать на варварском наречии, сидя в кладовке. Ха… ну надо же! Ты – переводчик у заговорщиков. Недаром говорят, наивен, как галл.

– Я видел печать Цезаря. Своими глазами.

– Мда… Как мог Цезарь сделать такую глупость – дать письмо галлам?! Ты, верно, ошибся.

– Я не мог ошибиться. Ты же знаешь, я работал у Цезаря во время ремонта Аппиевой дороги. Сколько раз я видел его печать! Письма четырех заговорщиков – на вощеных табличках, а пятое, отдельное, на папирусе. Письмо Юлия Цезаря.

Значит, Катилина устроил что-то вроде круговой поруки, а гарантами выступили галлы. Клодий выбрался из ванной. Задремавший было банщик вскочил, схватил льняное полотенце и принялся растирать хозяина так, что кожа вмиг покраснела. Клодий пресек его старания и быстро оделся.

– Как поедут послы? – спросил, застегивая фибулы на тунике и надевая перевязь с мечом.

– Судя по всему, через Мульвиев мост, а там…

Клодий резко взмахнул рукой, давая понять, что и так ясно:

– На мосту их перехватят. Наверняка засада уже устроена. Значит, нам надо отобрать письмо до моста. Поедем только вдвоем – ты да я. Узнаешь гонца с письмами?

– Узнаю. Он из послов самый молодой и самый высокий. На шее – золотой торквес.[37]

– Нет, подожди. – Клодий нахмурился. – Возьми с собой еще Этруска.

Зосим удивился:

– Ты же хотел отправить его на каменоломни за кражу серебряного кувшина.

– И хорошо, что велел. Скажи, что рудники отменяются, если Этруск сделает все, как надо. Посадишь его позади себя на лошадь. Давай! Живо! А то упустим добычу!

II

Черны ночи в Риме, особенно черны, когда единственный светильник Луна не светит, тогда каждый освещает себе факелом дорогу. Темные ночи, но отнюдь не тихие – отовсюду слышатся скрип колес, тяжкое дыхание нагруженных мулов, крики погонщиков, ржанье коней и мычанье волов – это везут в столицу мира овощи, дрова, амфоры с вином, камень и балки для строительства. Возвращаются с пирушек подвыпившие личности. На Священной дороге и на форуме возле Старых лавок кипит ночная жизнь.

Клодий и Зосим верхами мчались по улицам. Зосим держал факел. Клодий то и дело вглядывался в лица едущих – высматривал среди тех, кто торопился покинуть Город, галлов. Неужели опоздали, и послы уже выехали из Рима? Если письмо Цезаря попадет к Цицерону – ждет Гая Юлия смертный приговор.

Нет, нет, какая-то ерунда, Цезарь не мог этого сделать, он слишком умен. Почему его письмо оказалось у галлов? Писать галлам! Это все равно что добровольно подставить горло под остро отточенный меч.

В узком переулке между Капитолием и Квириналом всадники едва не застряли, и Зосим размахивал не только факелом, но и мечом, прокладывая дорогу себе и своему господину. Наконец они миновали Фонтинальские ворота в старой сильно обветшалой Сервиевой стене и выехали на Фламиниеву дорогу. По левую руку от всадников до самого Тибра лежала огромным черным ломтем низина Марсова поля. Справа тянулись земли, недавно приобре-

[37] *Торквес* – золотое шейное украшение, распространенное у галлов.

тенные Лукуллом, на которых тот разбил удивительные сады. Осенью здесь посадили вишневые деревья, и горожане бегали смотреть на это чудо.

О, Лукулл, покоритель Востока! Прежде этот полководец считался образцом римского духа, для которого цель – скромный достаток, а не крикливая роскошь. Но Лукулл оказался на Востоке во главе победоносной армии, и его ослепил блеск легкой добычи. Он хватал и тащил, бесчисленные мулы сгибались под тяжкой поклажей, обиженные солдаты роптали, требуя долю в несметной добыче. Но почти все богатства достались Лукуллу. Теперь триумфатор строил роскошные виллы близ Неаполя, скупал картины и скульптуры, разбивал сады и пировал каждый день, а меню его пиров пересказывали наперебой все сплетники Города.

– Вот они! – Клодий указал на всадников и несколько повозок впереди.

Трое факелоносцев освещали едущим дорогу – в неверном красноватом свете легко было различить светлые, присыпанные известью волосы и желтые усы.

Клодий натянул повод и остановил коня.

– Который из них? – спросил шепотом. – У кого письма?

– Вон тот. – Зосим указал на широкоплечего молодого галла в арьергарде процессии.

Мульвиев мост был уже близок, действовать придется немедленно!

– Дорогу, дорогу народному трибуну, чья личность неприкосновенна! – завопил Зосим, направляя конягу прямо на вождя, отсекая едущего рядом молодого великана. Этруск, сидевший позади Зосима, соскользнул на землю.

Тут же и Клодий ударил скакуна пятками и рванул повод, поднимая фракийского жеребца на дыбы. Низкорослый конек галльской породы испуганно метнулся в сторону.

– Куда прешь! – закричал молодой галл, не понимая, что происходит. Ему, зажатому между Клодием и Зосимом, было не развернуться.

– Ты оскорбил народного трибуна! – рявкнул Клодий и ухватил молодца за плащ.

Краем глаза приметил, как Этруск вытащил из сумки галла письмо.

Какой-то конный из свиты галлов повернул назад.

– Эй, в чем дело? А ну, езжай, куда ехал! – крикнул он на ломаной латыни, обнажил меч и двинулся на Клодия. Зосим не растерялся, сунул факел в морду галльской лошади. Обожженная скотина заржала и встала на дыбы.

– Назад! – приказал Клодий и протянул Этруску руку. Тот вскочил на жеребца позади хозяина.

«Народный трибун» и его спутники исчезли так же быстро, как и появились.

Затушив факел, они мчались в темноте, не останавливаясь до самого Фламиниева цирка. Здесь кони встали сами.

– Нет погони? – спросил Клодий.

– Не слышно, – отозвался Зосим. – Похоже, галлы ничего не поняли.

Зосим стал высекать огонь, но лишь искры летели в разные стороны. Наконец факел вновь зачадил и озарил стену цирка красноватым светом.

– Дай папирус! – потребовал Клодий у Этруска.

Могло статься, что воришка вытащил не то письмо, мало ли какие свитки вез посол аллоброгов? Впрочем, теперь эту ошибку исправить было нельзя. Но Этруск не ошибся. И Зосим не ошибся – печать принадлежала Цезарю – даже при свете факела Клодий ее узнал.

– Молодец, Зосим! – Клодий сунул свиток за пазуху.

– А я… – заискивающе попытался заглянуть в глаза хозяину Этруск.

– А ты как был скотиной, так и остался мерзавцем.

Назад ехали неспешно, воришка отстал, шагая за конными следом. Он демонстративно хромал, но на него не обращали внимания.

– Что делать с Этруском? – спросил Зосим. – Не надо, чтобы кто-то еще знал.

– Я обещал простить ему кражу кувшина, – отозвался Клодий. – Я прощаю. Пусть завтра поутру мерзавца отвезут в Альбанскую усадьбу и там держат в эргастуле[38] до тех пор, пока дело с письмами не разрешится.

– Даже не верится, что нам все удалось. – Зосим позволил себе улыбнуться.

– Про народного трибуна ты хорошо придумал. Что скажешь, может, мне, в самом деле, стать народным трибуном? Я бы стал отличным народным трибуном! – заявил молодой патриций. – Жаль, не могу. Народными трибунами избирают только плебеев, а я патриций.

В Рим они въехали через Флументанские ворота. Впереди гнали стадо на Бычий рынок.

III

Клодий колотил в двери регии[39] с такой яростью, как будто ломился не в жилище великого понтифика,[40] а к себе домой после очередной попойки. Наконец испуганный привратник соизволил приоткрыть дверь.

– В чем дело? – спросил он дребезжащим голосом. – Пожар?

– Публий Клодий Пульхр – к Гаю Цезарю! – выкрикнул Зосим.

Однако привратник прежде выставил полотняный фонарь[41] и принялся внимательно оглядывать гостя.

– Ладно, хватит! Ты все равно не знаешь меня в лицо! – Клодий бесцеремонно отстранил жалкого охранника и вошел, Зосим остался снаружи.

Цезарь уже вышел в атрий, слуга принялся спешно зажигать светильники сосновой лучиной.

– Пусть он уйдет! – Клодий дернул подбородком в сторону раба.

Тот глянул вопросительно на господина и, дождавшись кивка, удалился, демонстративно прикрыв за собой дверь. Наверняка приник ухом к решетке на двери с другой стороны.

Клодий молча протянул великому понтифику запечатанный свиток.

– Что это? – Цезарь умело изобразил удивление.

– Письмо, – Клодий решил подыграть Цезарю. – Остальные послания отправлены консулу Цицерону.

Цезарь внимательно рассмотрел свиток, потом сорвал печать и разбил ее рукоятью кинжала. Письмо развернул, но читать не стал, лишь удостоверился, что это его почерк. Затем поднес свиток к огню светильника. Папирус радостно вспыхнул.

Цезарь швырнул горящий комок на каменный пол и вдруг рассмеялся:

– Глупо было доверять этому человеку. Вот только… Хотел бы я знать: готовы люди умереть за безнадежное дело?

– Они не считают дело безнадежным. Планируют получить не смерть, а власть.

– А ты чего хочешь? Власть? Деньги? – Гай Юлий прищурился, как будто он сейчас, немедленно, предлагал Клодию миллионы.

Хотя в Риме все знали, что у Цезаря нет ни асса, а есть лишь огромные долги.

– Деньги! – усмехнулся Клодий. – Они всегда появляются сами собой и так же мило уплывают. Я думаю о другом. Мне нужна амицития.[42] Твоя.

– Разве я так могуществен, что ты ищешь моей дружбы? Я – потомок Венеры, но мой род давно уже ушел в тень обыденного.

---

[38] *Эргастул* – тюремное помещение, карцер для рабов.

[39] *Регия* – резиденция великого понтифика.

[40] *Великий понтифик* – в Древнем Риме – жреческая должность.

[41] *Полотняный фонарь* – фонарь, в котором вместо стекол полотно, и внутри горит свеча.

[42] *Амицития* – политическое единомыслие, дословно – «дружба».

– Вместе мы сможем многое. Это я тебе обещаю. – Опять в голосе Клодия мелькнуло едва заметное превосходство.

– Насколько я понял, у меня нет возможности отказаться от твоей дружбы?

– Ну да, – кивнул Клодий. – Мы, как истинные друзья, будем обмениваться благодеяниями.

Великий понтифик улыбнулся:

– Возможно, мои благодеяния тебе не понравятся.

– Я выдержу, – засмеялся Клодий.

Тут в атрий выбежала молодая женщина в длинной, ниже колен, шерстяной тунике. Поспешность ее была явно напускной: она не забыла причесать волосы и нарумянить щеки, а на плечи накинуть шарф из тончайшей восточной ткани.

– Ах, милый, что-то случилось? – Женщина кинулась к Цезарю. Но при этом как бы ненароком бросила взгляд на Клодия.

Была она молода и мила: невысокого роста, как и большинство римлянок, круглолицая, темноволосая. Не худенькая – матрона и не может быть худышкой. Этакая пышечка. Ягодицы весьма округлы, так и играют под туникой. Ноги, правда, коротковаты.

– Ну что же ты так перепугалась, Помпея! Публий Клодий зашел предупредить меня, что Город охраняет ночная стража и нам нечего бояться. – Цезарь разговаривал с женой ласково и покровительственно, как с ребенком.

Возможно, она была не слишком умна. Но уж точно – лукава.

Помпея склонила голову, из-под густых ресниц вновь стрельнула глазами, куда красноречивее прежнего.

– Публий Клодий так о нас беспокоится, – проворковала матрона.

– Публий Клодий – наш друг, и мы всегда рады видеть у себя дорогого гостя. – Цезарь смотрел на собеседника с улыбкой. Но Клодий подозревал, что Цезарь может имитировать все – даже доброжелательность во взгляде.

Картина IV. Конец заговора

Интересно, на какие средства живет Гай Цезарь? Ведь диктатор Сулла конфисковал его имение, когда Цезарь отказался развестись с женой Корнелией. Была у Суллы такая слабость – устраивать браки. Этот рыжий Купидон-диктатор с красными пятнами на физиономии заставлял людей разводиться и жениться по его указке. Помпей развелся со своей женой и женился на чужой, беременной. Ну, как же! Сулла назвал его Великим. За одно это молодой полководец согласился бы жениться на собственной бабке. Только Цезарь отказался бросить любимую. Сулла не смог стерпеть подобную дерзость, велел внести имя Цезаря в проскрипционные списки. Имущество непокорного конфисковали, а его самого мог убить любой встречный, готовый услужить Сулле. Клянусь Геркулесом, Цезарь проявил себя молодцом, когда не струсил и не уступил. Фортуна была к нему благосклонна. Когда сулланский патруль однажды захватил его больного, на носилках, где-то в дороге, Цезарь сумел откупиться и уцелеть. В конце концов, Сулла простил бунтаря. Но имение не отдал.

С Корнелией Цезаря разлучила смерть – Танат куда могущественнее любого диктатора.

Из записок Публия Клодия Пульхра

5 декабря 63 года до н. э

I

В Городе с утра до вечера и с вечера до утра болтали о заговоре Катилины. Рабы и вольноотпущенники были осведомленнее прочих. Оценить, что даст подавление заговора, было пока невозможно. Событие еще длилось, его последствия зрели личинками бунта во времени, еще текла вода в клепсидрах. Цицерон возомнил себя полубогом, но оставался открытым вопрос, как будет выглядеть Цицерон, когда Помпей вернется с Востока. Помпей, любовь к которому перешла в обожание после того, как полководец очистил Внутреннее море[43] от пиратов, теперь разгромил Митридата, злейшего врага Республики. Идя по стопам Ганнибала, Митридат Понтийский мечтал уничтожить Рим, но и этот правитель Востока обломал зубы о римские легионы. Спору нет, обоим врагам Республики улыбалась Фортуна: с Ганнибалом сражались бездарные полководцы, с завидным упорством они губили одну армию за другой и гибли сами, а талантливые, такие как Семпроний Гракх или Марцелл, попадались в нелепые ловушки. И так длилось много лет, пока, наконец, не появился Сципион Африканский и не разбил Пунийца. Митридату Понтийскому лучше любых предателей помогали внутренние римские склоки. Но и Митридат, наконец, пал – упорству и воле Рима не может противостоять никто. Рим всегда получает то, что хочет, – какой бы крови, каких бы сил это ни стоило. Но ведь может статься, что Рим растратит все силы в этой бесконечной борьбе…

II

Клодий так задумался, спускаясь с Палатина, что не сразу обратил внимание на шум и крики, что доносились из ближайшего дома, то ли из кухни, то ли из перистиля. Кричали так

[43] *Внутреннее море* – Средиземное море.

громко, что слышно было на улице. Внезапно дверь кухни распахнулась, наружу вырвался человек, обнаженный и весь в крови. Он споткнулся, упал, вновь кинулся бежать, нелепо размахивая руками. Добежав до Клодия, несчастный рухнул на колени, вцепился в руку патриция и принялся жадно целовать, пачкая слюной и бегущей из носа кровью.

– Спаси… спаси… – шлепали распухшие влажные губы. Слезы бежали по его лицу и смешивались с кровью.

Беглецу было лет семнадцать или восемнадцать, быть может, только вчера он принес на домашний алтарь свою в первый раз обритую бороду. За юношей уже бежали – из той же двери выскочили двое, по всему видно, рабы, оба в серых грязных туниках, с жирными растрепанными волосами, с бронзовыми рабскими ошейниками. На лбу у одного из них синело клеймо, у другого – чернел провал вместо передних зубов. Беззубый шмыгал носом и растирал кровь по лицу. В руке у него был кухонный нож, вполне пригодный для убийства. Клейменый раб держал веревку.

В доме все еще слышались мужские и женские голоса.

Из двери – не кухонной, а парадной, – вышел сам хозяин, в тоге с широкой пурпурной полосой, дородный и седовласый; сразу видно – сенатор.

– Фульвий! – крикнул сенатор изумленно и зло.

Юноша вздрогнул и прижался еще сильнее к Клодию.

Следом за хозяином из дома выскочила девчушка лет десяти или одиннадцати. Хорошенькая, кудрявая, в одной домашней некрашеной тунике.

– Отец! – Девочка ухватила сенатора за руку. – Не надо! Не надо!

– Твои рабы… – Клодий положил руку на рукоять меча: сегодня он должен был охранять храм Согласия на форуме и потому, выходя из дома, надел панцирь и прихватил с собой меч и кинжал.

– Это я приказал! – Сенатор пытался отпихнуть дочурку, но та повисла на нем, как кошка. – Он пытался убежать к Катилине. Я велел его поймать и теперь казню своей властью.

– Это же дурацкий устаревший закон! – выкрикнул Клодий.

– Его никто не отменял. Хватайте преступника! – приказал сенатор рабам.

Девчушка вдруг наклонилась, будто хотела поцеловать отцовскую руку, и впилась зубами в запястье. Тот зарычал от боли. Из дома выскочили две женщины, схватили девчонку и с трудом оторвали от сенатора. Почти одновременно – или на миг позже – рабы накинулись на Фульвия.

– Тащите его! – завопил сенатор, растирая укушенную руку. – Скорее! Скорее! – зверел он от своего же крика. Лицо его сделалось пунцовым, казалось, голова вот-вот лопнет.

– Я – Публий Клодий Пульхр. Остановитесь! Заговорщики еще не осуждены! Не сметь! – Клодий выхватил меч.

Но из кухонной двери вывалились еще человек шесть или семь; двое при мечах, виду самого дерзкого.

Те, что с мечами, напали на Клодия, не пробуя, однако, поразить, но лишь отвлекая, в то время как остальные вцепились в Фульвия. Клодий пытался удержать приговоренного, но рабы оторвали юношу от заступника и потащили по мостовой. Тело несчастного покрылось пылью и тут же во многих местах заалело. Юноша уже не сопротивлялся, обмякнув, он повис на руках рабов; голова свесилась, черные кудри купались в пыли. Кажется, он потерял сознание.

А девчонка каким-то образом умудрилась вырваться и кинулась к брату. Ее опять схватили. Она визжала, царапалась, кусалась.

Уже у порога клейменый принялся наматывать на шею юноши веревку.

– Это же твой сын! – крикнул Клодий хозяину дома. – Твой сын!

Сенатор обернулся к Клодию. Лицо его было и жалкое, и страшное.

– Отеческой властью его караю! – И, пригнувшись куда больше, чем требовала вышина двери, шагнул в дом.

Клодий кинулся следом, но дверь перед его носом захлопнули, он грохнул два или три раза кулаком по дубовой доске, но толку от этого не было никакого.

– И вправду, у нашей Республики голова совершенно гнилая, – пробормотал он. – Ее надо заменить. Но только не головой Катилины.

III

Когда Клодий вышел на форум, площадь была уже запружена народом. Вокруг храма Согласия блестели начищенные шлемы охраны. В толпе оживленно обсуждали последние события. Рассказывали о волнениях в маленьких городках, о том, что повсюду собирают оружие и вот-вот начнется восстание по всей Италии, а в Дальней Галлии уже якобы полыхает война.

– Это все из-за тех писем, что дали послам! – рассказывал дородный пожилой мужчина. – Галлы вновь явятся и сожгут наш Город! И в этот раз ничто не уцелеет, ни храм Юпитера, ни крепость на Капитолии.

Его слушали с ужасом, раскрыв рты, и верили каждому слову. Кое-кто даже суеверно косился на храм Юпитера, недавно сгоревший и вновь отстроенный Суллой. Мраморные колонны для нового храма диктатор привез из Греции.

– Надо казнить всех заговорщиков! У консулов чрезвычайные полномочия. Пусть Цицерон прикажет задушить негодяев! – поддержал старика парень лит тридцати, по виду и манерам – провинциал, недавно переселившийся в Город.

– Всем известны их имена! Сколько их?

– Четверо. Нашли четыре письма.

– Нет, предателей пятеро. Пятое письмо эти дурни галлы потеряли. Но всех заговорщиков все равно схватили, – заявил всезнающий старик.

– Не пятеро, гораздо больше! Цезарь тоже с ними! И Красс!

– Вранье! Все письма поддельные. Нельзя казнить римских граждан! – возразил молодой щеголь с холеной бородкой, точь-в-точь такую носил Катилина.

– Нет, не вранье! Катилина позвал на помощь галлов! О, бессмертные боги, они сожгут Рим! – Старик протянул руки к Капитолию. – Позвать галлов! Все равно, что позвать чуму! Правильно, что сенаторы объявили заговорщиков врагами народа.

«Позавчера Цезарю пришлось несладко», – мысленно усмехнулся Клодий.

В третий день до декабрьских Нон[44] Клодий охранял храм Согласия во время заседания сената. Привели послов аллоброгов, галлы выложили таблички с письмами заговорщиков. Имена громко зачитали и тут же на заседание вызвали всех четверых. Заговорщики отпирались поначалу, но подлинность печатей на письмах опровергнуть не смогли. Одного из них, претора Корнелия Суру, вывели из храма Согласия, мальчишке-рабу велели принести из дома темную траурную тогу и здесь же, на ступенях храма, с Корнелия сорвали тогу претора и обрядили в темные одежды. Зеваки, столпившись, глядели на это символическое переодевание. Разжалованный претор вдруг съежился и как будто стал ниже ростом. Потом принялся кричать, хватать за руки обступивших людей и даже попытался вырвать у кого-то из охранников меч. Внезапно он замолк, повернулся к форуму спиной и так стоял неподвижно, пока его не увели.

---

[44] *Ноны* – седьмой день марта, мая, июля, октября и пятый день остальных месяцев. Третий день до Нон декабря – это 3 декабря.

А Гай Юлий Цезарь, как ни в чем не бывало, сидел в это время в храме Согласия и обсуждал с другими сенаторами, достаточно ли веские предъявлены обвинения. Все сходились во мнении, что доказательства вины несомненны.

Консул Цицерон всем рассказывал, что его супруга Теренция («Душенька моя Теренция», – сладким голосом приговаривал Цицерон), руководившая таинствами в честь Доброй богини, получила знак от Боны Деи: казнить всех заговорщиков, не мешкая.

Интересно, какой «сюрприз» приготовил консул для сегодняшнего заседания? Наверняка всю ночь шлифовал новую речь против Катилины.

Клодий поднялся по ступеням высокого подиума храма и встал у самого входа. Первые сенаторы уже появились на форуме – один спускался с Палатина в сопровождении слуг и клиентов, другой неторопливо шествовал из Карин.[45] Завидев тогу с широкой пурпурной полосой, толпа почтительно расступалась. Сенаторы не торопились на заседание, здоровались со знакомыми в толпе, пожимали руки, если номенклатор[46] за спиной называл громкое имя.

Сенат Рима… Когда-то восхищенный посланец царя Пирра[47] назвал сенат сборищем царей, а сам народ римский – лернейской гидрой, у которой вновь и вновь отрастают головы, так что никто не в силах этот народ победить. В те годы сенаторы как истинные цари, надменные и независимые, уверенные в себе и в Республике, не ведавшие страха, готовы были судить и рядить весь мир по своим меркам добра и справедливости. Тогда в этом праве другие народы сомневались. Теперь мир склонился перед Римом, иноземные послы со всех краев являются в Город вымаливать дружбу римского народа. И что же? Нет, надменности нынешние аристократы не утратили, но из независимых царей они превратились в суетных царьков, их занимают только постройка и ремонт бесчисленных вилл, покупка статуй, книг, ваз, красивых рабынь и рабов. Какое им ныне дело до Республики и грозящих ей бед?

Консул Цицерон шествовал к храму в сопровождении многочисленной стражи. Впереди выступали двенадцать ликторов с фасками[48] на плечах. Консульство – высший дар Республики. Клодий помнил Календы[49] января, когда его отец Аппий Клавдий в первый день своего консульства направился на форум, и двенадцать ликторов шли впереди. Тогда Клодия, одиннадцатилетнего мальчугана, охватил восторг. Правда, у отца был в тот день мрачный вид. Теперь-то Клодий знал, что консульская власть отца была властью лишь по названию, тонкая позолота, и более ничего. Потому как из своего имения в Кампании бывший диктатор Сулла внимательно наблюдал, что творилось в Риме, и дергал за ниточки страха консулов и сенаторов. Так что двенадцать ликторов – это все, что досталось отцу от прежнего величия высшей римской власти.

Сулла… Клодию казалось, что покойный диктатор до сих пор лемуром витает над Городом. А следом за первым непременно второй темный дух – призрак врага его, плебея Мария. Эти два черных гения по-прежнему накрывают Рим зловещей тенью в самый ясный день.

Цицерон тем временем продвигался к храму. Его встречали радостными криками. Консул неспешно поднялся по ступеням, остановился рядом с Клодием.

– Сегодня, мой друг, мы должны спасти Республику! – воскликнул Цицерон так, чтобы его слышали все, кто стоял рядом.

---

[45] *Карины* – аристократический район в Риме.

[46] *Номенклатор* – раб с хорошей памятью, который подсказывал господину имена встречных и членов его трибы избирательного округа. Был незаменим во время выборов, хотя использовать номенклаторов в этот период запрещалось.

[47] *Пирр* – царь Эпира, с которым римляне вели войну в 280–275 годах до н. э.

[48] *Фаски* – связки прутьев, с топориками или без.

[49] *Календы* – первый день месяца.

Слова Цицерона встретили аплодисментами – недавняя манера встречать каждую удачную фразу хлопаньем в ладоши коробила стариков.

Вслед за Цицероном в храм вошел Марк Красс Богатый – на его одутловатом, до времени постаревшем лице застыло недовольное выражение. Красс! Если бы получить доступ к деньгам этого старика, можно было бы таких дел натворить в Риме! Нельзя сказать, что Клодий беден, но рядом с несметными сокровищами Красса, нажитыми во время проскрипций Суллы, состояние Клодия казалось до смешного незначительным. Говорят, Красс и Цезарь ныне дружны. Если бы по этой ниточке добраться до денег Красса…

А по ступеням уже поднимался Цезарь. Он вежливо поздоровался с Клодием и вошел в храм.

Заседание сената началось. У входа было слышно, что говорят внутри. И люди передавали друг другу слова сенаторов. Вот новоизбранный консул[50] потребовал казни. А что Цицерон? Нет, он еще не выступал.

«О боги, почему я так переживаю за этот сумасшедший Город?» – с тоской и злостью подумал Клодий.

Он посмотрел на неказистую площадь внизу, неправильный четырехугольник, зажатый со всех сторон холмами. На форуме храмы и базилики соперничали с лавками, вонь из рыбных рядов мешалась с дымом на алтарях. И лишь на вершине Капитолийского холма сверкал мрамором и золоченой бронзой черепицы отстроенный после пожара храм Юпитера Всеблагого и Величайшего. Над квадригой бронзовых коней, только что поднятых на храмовую крышу, медленно плыли зимние облака, такие же белые, как мрамор, пошедший на отделку стен. Но разве мощь Рима – в высоте его холмов и грандиозности храмов? О нет, слава Сципионов, Фабиев, Клавдиев, Камиллов поднималась куда выше и подпирала невидимыми контрфорсами уже изрядно обветшавшие римские стены. Клодий ощутил вдруг странное торжество, как будто он знал про этот Город важную, совершенно непереносимую тайну, которую хранить дольше было уже нельзя. Знал только он один, а остальные ни о чем еще не догадывались.

– Смерть заговорщикам! – закричал кто-то в толпе, и Клодий очнулся.

Заседание тянулось медленно. Сенаторы были ни в чем не уверены. Да, Катилина – мерзавец… Сжечь Рим… Но нет, не надо проскрипций! Тогда что делать с заговорщиками? Изгнать? Слишком мягкая мера. Они тут же убегут, соберут войска… Никому не хватало смелости принять окончательное решение.

О боги, что они там решают? Нельзя казнить римских граждан! Прав, прав Цезарь, говоря, что смерть – это воля богов и закон природы, а у людей такого права нет.

– Цезарь хочет сохранить заговорщикам жизнь, – бросил известие в толпу, как камень, юноша с холеной бородкой.

– Да ты сам участник заговора! – выкрикнул дородный старик – тот, что знал все на свете.

– Сам участник… – зашелестело вокруг. – Смерть Цезарю! Смерть!

Толпа прихлынула к храму. Клодий и другие аристократы из охраны пытались их задержать. Какое там! Безумные лица, выпученные глаза! Смерть! Уже и сами охранники бегут внутрь, выкрикивая: «Сметь!» С такими физиономиями врываются солдаты после осады в побежденный город. Смерть… Людская волна ударила Клодия в грудь, подошвы кальцей[51] заскользили по мраморному полу, и толпа потащила патриция внутрь.

Один из юношей-всадников, прежде охранявших храм, в начищенном сверкающем панцире, ринулся к Цезарю, размахивая мечом, но нанести удар не решился. Пожилой сена-

[50] *Новоизбранный консул* – избранный на следующий, в данном случае на 62 год до н. э.

[51] *Кальцеи* – башмаки, римские высокие сандалии в отличие о греческих, которые носили рабы.

тор прикрыл Цезаря, как щитом, полой своей тоги. Клодий, подлетев, ударил всадника кулаком в скулу, и мальчишка рухнул к ногам консула, который в этот миг поднялся со своего кресла.

– Всем посторонним вложить мечи в ножны и выйти из храма! – приказал Цицерон.

Голос его зазвенел под сводами и заставил крикунов умолкнуть. На миг Клодий даже залюбовался консулом. Потом демонстративно и очень медленно вложил меч в ножны. Buntари оробели. Попятились. Казалось, сенаторы в храме совершают таинственные жертвоприношения во благо Республики, а боги за тем жертвоприношением наблюдают – вдоль стен, возвышаясь над римскими сенаторами, стояли мраморные и бронзовые статуи небожителей. Марс и Меркурий, Церера, Юпитер, Минерва и Прекрасная Латона с младенцами Дианой и Аполлоном на руках – удивительные творения греков, воистину божественные в своем совершенстве, смотрели на людей нарисованными или вставными глазами. И вдруг почудилось, что их прекрасные лица исказились от гнева, еще миг, и сами олимпийцы начнут метать молнии и огненные стрелы, разить обезумевших смертных. Толпа попятилась. Клодий двинулся к выходу, раскинув руки, будто именно он, своей волей, гнал оробевших людей назад, на площадь.

Но сенаторы, как и плебс, жаждали крови. К Цицерону кинулись сразу человек пять, наперебой размахивая руками, требуя объявить Цезаря заговорщиком.

– Я не могу, – сухо ответил Цицерон. – У меня нет таких доказательств.

– Его речь – главное доказательство! Цезарь с ними! В этом никто не сомневается!

– У меня нет доказательств, – повторил Цицерон.

Заседание возобновилось, Цицерон взял слово.

Марк Туллий не предложил ничего определенного, но намекнул, что он готов принять меры не самые кровожадные. Сенаторы согласно кивали, слушая речь: трудно не соглашаться с Цицероном, когда великий оратор говорит. Его голос, поставленный лучшим актером Рима, обволакивает, а фразы сплетаются в ловчую сеть, от которой почти невозможно ускользнуть.

Страсти стали понемногу стихать, слово «смерть» перестали выкрикивать после каждого удачного пассажа, но тут слово взял Марк Порций Катон Младший и потребовал казни.

– Катон – он всегда за добродетель, – загомонили в толпе.

Смерть! Смерть всем пятерым! Пятерым, потому что о пятерых все время твердили галлы, хотя писем было всего лишь четыре. Имя пятого они забыли. То ли Церит… то ли… Цепарий? Да, кажется, он. Хорошо, пятым будет Цепарий. Все будто сошли с ума. Те, кто сомневался, отбросили свои сомнения.

«Смерть!» – гремело в храме. Да, требовать смерти сенаторы могли, но утвердить приговор имел право только консул, наделенный в этот момент чрезвычайными полномочиями. То есть Цицерон, тот, кто еще полчаса назад говорил о снисхождении. Но перед авторитетом Катона Цицерон не смог устоял.

«Казнить!» – вынес свой вердикт консул, и сенаторы ответили торжествующими криками.

Цезарь скорее вырвался, нежели вышел из храма, и остановился на ступенях, не зная, как пройти через затопленный разъяренными людьми форум. Трое клиентов, что пришли вместе с ним, вряд ли могли защитить патрона от палок, камней и кинжалов.

Клодий шагнул к нему:

– Консул Цицерон велел проводить тебя, новоизбранный претор Гай Юлий Цезарь. И помни: заговорщик Луций Статилий, приговоренный к смерти, отныне находится под твоей охраной. Хорошо охраняй его, очень хорошо…

Тех четверых, что арестовали позавчера, распределили по домам знати. Цезарю в дом привели Статилия. Если сторонник Катилины сбежит, Цезарь заплатит за его ловкость своей головой – это будущему претору было ясно без всяких намеков.

Клодий взял десять человек для сопровождения, и они двинулись сквозь толпу. Несколько камней полетели в их сторону. Кто-то попытался ударить Цезаря палкой, но охранник отбил удар. Один из клиентов Цезаря был ранен камнем, и теперь юноша закрывал лицо руками. Да и самого Цезаря задели – на запястье алела кровь. Но Цезарь не обращал внимания ни на крики, ни на летящие камни и неспешно шагал, лишь изредка поправляя сползающую с плеча тогу.

Клодий шел впереди, пробивая в толпе дорогу, и держал клинок обнаженным.

– Их приговорили к смерти, – сказал Гай Юлий ему в спину.

Толпа уже потеряла к Цезарю интерес, судорожный вздох пронесся над площадью, зашелестело, зашумело, и волна звуков покатилась от ростр по форуму – консул Цицерон поднялся на ораторскую трибуну. Клодий обернулся. Но ничего разглядеть не смог – лишь чьи-то головы, головы…

– Они сейчас отправятся за приговоренными, – сказал Цезарь. – Надо поторопиться, предупредить Статилия. Пусть у него будет время приготовиться.

Они прибавили шагу.

– Сулла приучил римлян легко проливать кровь, – продолжал Цезарь. – Все забыли и не могут вспомнить, что казнить римских граждан недопустимо.

– Марий тоже любил кровь, – уязвил Клодий, ибо помнил, что Цезарь находится с Марием через тетку в родстве. В то время как отец Клодия был фактически назначен Суллой в консулы.

Они выбрались из толпы и, не сговариваясь, остановились, глядя друг на друга. Кажется, Марий и Сулла навсегда разделили Рим полосой смертельной вражды.

– Да, Марий тоже любил кровь, – согласился Цезарь – он помнил, что большинство знати было на стороне Суллы.

Раненый клиент покачнулся и стал валиться на руки своим товарищам.

– Несите его скорей домой! – приказал Цезарь.

А с форума долетали крики, аплодисменты.

Болезненная гримаса исказила лицо Цезаря.

– Поедем к Катилине, – воскликнул он. – Сейчас. Берем коней и мчимся к Катилине. А?

Клодий отрицательно покачал головой:

– Мы погибнем вместе с ним, а это не входит в мои планы. Катилина – неподходящий союзник.

– Что ты задумал, Клодий?

– То же, что и ты. Но еще не время действовать.

Цезарь усмехнулся.

– Почему все говорят, что ты безумный? Ты не безумец. Ты расчетливый проходимец, который изображает безумца. Ты говоришь о дружбе. Между друзьями не должно быть тайн. Зачем ты ищешь союза со мной?

– Видишь ли, Гай… Ты – единственный умный человек в сенате. Катилина тоже неглуп, но он зарвался. К тому же мне не понравились его методы. Через два года я буду сенатором. Но сенат уже ни на что не годен. Так вот, мы должны стать союзниками в нашей борьбе с этими безмозглыми любителями дорогой рыбы.

– К сожалению, безмозглые любители правят Римом. И значит – всем миром.

– Ты ошибаешься. Как ошибался Катилина. Не сенат – народ. За народом последнее слово.

– Ты наивен, мой друг. Вот уж не думал, что ты так наивен.

– Это не наивность. Я смотрю на вещи по-другому. Если ты поможешь мне, Цезарь, я отниму власть у сената.

– И кому отдашь? Народу? – В голосе Цезаря послышалось презрение. – Того народа, который создал нашу Республику, давным-давно уже нет. Кости тех квиритов сгнили на дне Тразименского озера и на поле Канн. Теперь в старинном гнезде Республики живут жадные торговцы и потомки продажных вольноотпущенников. Ганнибал проиграл, но он перерезал нам жилы. Ни один народ не может понести такие страшные потери и не надорваться.

– Не имеет значения, кого мы теперь называем квиритами. Я отдам власть тем, кто поддержит нас с тобой.

– Каким образом?

– Это моя тайна. Но я тебе обещаю: новый Рим обретет новую силу.

Цезарь несколько мгновений молчал.

– Ну что ж, друг мой Клодий, пойдем ко мне домой и сообщим Статилию, что через несколько часов его задушат.

IV

Они направились к дому Цезаря – не в регию, где Цезарь жил как великий понтифик, а к личному дому Цезаря, в Субуру. Вместе с охраной во внутренних комнатах этого большого дома новоизбранный претор по приказу консула Цицерона держал Луция Статилия, одного из пятерых, схваченных рано утром в третий день до Нон декабря.

Дом был довольно большой с просторным перистилем, правда, сильно обветшалый.

– Статилий спит, – доложил охранник, когда они вошли в атрий.

– Разбуди его. – Цезарь опустился на мраморную скамью, будто ноги его не держали.

Арестант вышел в атрий, разморенный сном, с красной полосой на щеке от неудобной подушки. Молодой человек с немного детским, растерянным лицом.

– Смерть? – спросил он Цезаря. – Смерть? – повернулся к Клодию.

– Сейчас придут, – сказал Цезарь. – То есть, может, и не сейчас – они заберут вас пятерых из разных домов, а потом отведут в Мамертинскую тюрьму.

– Надо было, в самом деле, сжечь это осиное гнездо! – процедил Статилий сквозь зубы.

Два раба принесли темную траурную тогу и принялись обряжать приговоренного.

– Ну и подлец этот Цицерон! – выкрикнул Статилий. Потом сдернул с пальца всаднический перстень и отдал Цезарю. – Оставь себе.

– Все равно отберут.

– Оставь себе! – Клодию показалось, Статилий вот-вот заплачет. – Говорят, если палач опытный, то задушит быстро, и будет совсем не больно… Неужели так нужно? А ты – умный, Цезарь. Умный, хитрый и подлый.

Цезарь не ответил.

– Можно вина? – спросил Статилий тихо.

– Неразбавленного, – приказал Цезарь служанке, молоденькой пухлой блондинке. Та расплакалась и выбежала из атрия.

Она не успела вернуться, как вошел привратник. Было что-то театральное в этой быстрой смене лиц, в этих слезах рабов, рыдающих о чужом господине. В театре тоже все поддельное – жесты и слезы – все, кроме смерти. Когда на сцене должен кто-то погибнуть, приводят преступника, и его на самом деле пронзают мечом.

– Они пришли. – Старик с ужасом глянул на хозяина, будто явились за Цезарем. – Остальные четверо уже… там.

Служанка вернулась бегом; расплескивая вино, принесла чашу. Статилий принялся жадно пить, проливая на тогу.

– Ну, вот и все, – сказал приговоренный почти весело и вышел из атрия. Клодий двинулся за ним. Цезарь остался.

У дверей дома собралась толпа. Уже стемнело, горели факелы. Чуть впереди и поодаль от остальных стоял Цицерон. Выражение вымученной решительности застыло на его полноватом лице. За ним теснились сенаторы в тогах, окаймленных алым, и в башмаках из красной кожи. Катилина собирался их всех перебить, но не довелось. Теперь с заговорщиками расправлялись обстоятельно, с тщанием. За обиду нобилей мстил патрицию-отступнику Цицерон, сын никому не известного всадника из Арпина, выращивавшего горох и фасоль на продажу.

Охранники поставили Статилия подле остальных, и процессия при свете факелов медленно двинулась к тюрьме на форум. Клодий отправился следом. То ли соучастник, то ли наблюдатель – не разобрать.

Теперь уже ничего нельзя было изменить, но он был всей душой против казни. В тело Республики в очередной раз (давно ли Марий и Сулла баловались таким вот образом?) собирались воткнуть остро отточенный нож. Она содрогнется от боли и впадет в беспамятство на некоторое время. Но подобными кровопусканиями не излечить болезнь.

Клодий бесцеремонно растолкал сенаторов, пробился к Цицерону.

– Этого нельзя делать, – сказал громким шепотом. – Останови казнь.

– Уже невозможно, – отвечал консул одними губами. Уверенность в своей правоте вдруг исчезла. Клодий увидел, что Цицерона трясет.

Город, в котором мало кто спал, затаился. Слабый шепот в темноте, непрерывное движение, дома с темными окнами, слабосильные огоньки светильников там и здесь, блеск факелов, освещавший молчаливую толпу на форуме. Клодию показалось, что его самого сейчас ведут на казнь вместе со сторонниками Катилины. Тело вдруг стало холодным, как кусок мертвечины, Клодий дрожал и никак не мог согреться.

Тюрьму на склоне Капитолийского холма построил, если верить преданию, третий царь Рима Анк Марций. В ней было два помещения – одно над другим, в нижнем подземелье происходили казни.

Клодий стоял в толпе, ожидая. Все молчали, слышались только дыхание, потрескивание факелов да сдавленный кашель там и здесь – зимой в Риме многие болели. Напряжение все возрастало. Сейчас они умирают, там, внизу…

Цицерон вышел на форум и выкрикнул:

– Они прожили!

И толпа в ответ завопила. От радости, которая была похожа на боль.

Клодий выбрался из толпы и зашагал, сам не зная куда. Его разбирал неуместный смех, и он прикрывал лицо полой плаща, чтобы в случайном отблеске факела никто не заметил его ненужной улыбки.

Кто бы мог подумать! Да, кто бы мог подумать, что Цицерон совершит такое!

– Они умерли, – бормотал Клодий. – И этого Цицерону никогда не простят. Особенно те, кто сегодня вопил от восторга. Никогда. Завтра начнут требовать расправы над консулом, чтобы никто не вспомнил, что они тоже были в толпе.

Клодий остановился перед знакомой дверью. Таверна «Свиное вымя». Ноги сами принесли его сюда. Несмотря на поздний час, из оконца пробивался свет.

– В «Свином вымени» я напьюсь, как свинья, – пробормотал Клодий и толкнул дверь.

Интермедия
ТРИ БРАТА

Осень 82 года до н. э

I

Летом шестьсот семьдесят второго года от основания Города Сулла вернулся в Италию, чтобы отомстить мертвому Марию и его живым и бездарным сторонникам. Войска противников кружили по Италии, убивая и убивая, и всякий раз Сулла побеждал. Практически оставшись без лидеров, марианцы вдруг совершили отчаянный бросок и появились подле Рима в последний день октября. Они разбили лагерь близ от Коллинских ворот. Никто не сомневался, что утром марианцы войдут в беззащитный Город.

В Риме началась паника, рабы носились по улицам с поручениями, лавки закрылись, женщины рыдали, детям запретили выходить из дома, но двенадцатилетний Зосим убежал, чтобы поглядеть, что происходит у ворот. Отец Клодия Аппий Клавдий собрал из юношей-аристократов небольшой конный отряд добровольцев. Рано утром они вылетели из ворот и ударили на осаждавших, рассчитывая на внезапность. Но силы оказались неравными, сам Клавдий был тяжело ранен, отряд рассеян, и лишь немногим довелось вернуться в Город.

Публий до мельчайших черточек запомнил тот день – как отца принесли домой; его лицо, совершенно бескровное, восковое; порванный, перепачканный в крови и земле плащ, которым раненый был укрыт. Вопли и рыдания женщин, запах горелого мяса, когда медик прижигал рану; лицо матери Метеллы, точно такое же белое, как у отца. Все домочадцы собрались в атрии у домашнего алтаря, жгли аравийские благовония и вслух, перебивая друг друга, обещали богам какие-то дары, и Публий положил на алтарь кусочек сладкого печенья. Потом поели на кухне, опять же всей фамилией,[52] после трапезы мать велела принести хворост и дрова, вязанки стали раскладывать повсюду – в атрии, на кухне, в таблине и спальне. Уже много позже Клодий сообразил, что мать собиралась поджечь дом вместе со всеми обитателями – если самниты ворвутся в Город, то ни детям, ни женщинам не будет пощады. Кажется, старшие – Аппий, Гай и сестрица Клодия – это поняли. Гай вдруг заревел в голос, а брат Аппий влепил ему пощечину, и Гай, держась за щеку, замычал от страха и боли. И тут прибежал Зосим и закричал срывающимся голосом, что подошли войска Суллы и теперь они не пропустят самнитов в Рим. На самом деле примчался лишь передовой отряд в семьсот человек на взмыленных лошадях. Но и этого оказалось достаточно, чтобы марианцы не пошли на приступ. Вскоре и основные силы Суллы явились к Коллинским воротам. Аппий, Гай и Зосим, несмотря на запрет, помчались смотреть на сражение, а младший восьмилетний Публий остался дома вместе с матерью и сестрами. Мальчишки вернулись домой уже в темноте, рассказывая наперебой подробности грандиозной битвы, что началась, когда солнце уже клонилось к закату. Как шли в атаку смертельно измотанные легионеры, Красс на правом фланге одолел, но левый, которым командовал Сулла, самниты опрокинули, кинулись к воротам, смяли по дороге зевак, что вышли из Города поглядеть на битву, но в Город не про-

[52] *Фамилия* – все домашние древнего римлянина, родственники, вольноотпущенники и рабы.

рвались, так как ворота были закрыты и их охраняли ветераны по приказу Суллы. А дальше сделалось уже совсем темно, но сражение продолжалось, и Красс все же добил марианцев.

В своих мемуарах Сулла написал, что Аппий Клавдий погиб с большей частью своего отряда во время вылазки. Хотя сам же сделал этого «погибшего» Аппия консулом после того, как сложил с себя диктатуру. В этом ляпсусе – если, конечно, то был ляпсус – был весь Сулла, мешавший с почти божественной легкостью жизнь и смерть. Без колебаний он рассек плоть Республики и вживил в кровавую рану себя, свою беспрецедентную диктатуру, проскрипционные списки и свои законы. Сулла! И сейчас его имя восхищает и пугает по-прежнему! Тогда же мальчишкам непременно хотелось увидеть победителя! Они им восхищались и почитали за своего спасителя.

Наконец Сулла лично прибыл в Рим. Рано утром три брата тайком пробрались во Фламиниевый цирк и залезли в пустые корзины, в которых рабы носили на арену чистый песок. Старший братец Аппий почему-то вообразил – уж неведомо, почему, – что Сулла соберет сенаторов здесь, в цирке. На самом деле сенат заседал в храме Беллоны неподалеку, а сюда, в цирк, привели пленных самнитов – что-то около шести тысяч человек, и по приказу Суллы начали резать. У пленников были связаны руки, но рты им намеренно не заткнули, и, умирая, самниты кричали так страшно, что слышно было даже сенаторам в храме Беллоны, не говоря о сыновьях Клавдия, что прятались в корзинах. Плетенье корзин было таким плотным, что сквозь прутья ничего нельзя было разглядеть, но вопли умирающих корзины не заглушали. Публий заткнул уши, но это мало помогло. Тогда он сам завопил. Рядом орали Гай и Аппий. К корзинам подскочил центурион и, верно, пронзил бы ближайшую мечом, если бы Гай, орущий, с красным мокрым лицом и выпученными глазами, не вывалился из корзины. Следом выскочил Публий, а уж потом наступил черед старшего, Аппия. По их одежде и золотым амулетам сразу было видно, кто они. Центурион опустил меч и расхохотался. Аппий, перетрусив, отдал ветерану какую-то мелочь, что была у него при себе. Ветеран Суллы позволил братьям спуститься к самой арене и поглядеть на трупы, потому как резня уже закончилась, и солдаты добивали тех, кто шевелился. Мальчишки спустились. Публий очень хорошо запомнил этих мертвых, что лежали на песке; не похожие на людей, какие-то плоские, с изуродованными лицами, залитые кровью. Все эти люди на арене были *сломаны*, и никому не под силу было их исправить, починить, вернуть к жизни. Публий смотрел на мертвецов и не испытывал ни ужаса, ни отвращения, но эта окровавленная неподвижность, эта сломанность прежде живых тел навсегда врезались в память. В тот миг он ощутил во рту вкус крови. Нет, Публий не кусал губы, но вкус крови появился сам собой.

Когда они возвратились домой и получили от матери нагоняй за отлучку, Публий отыскал Зосима в пустой кладовке. Зосим сидел, обхватив тощие голенастые ноги руками, и плакал. Мальчишка-раб рыдал от обиды – он не попал в цирк и не увидел казнь самнитов. Хотя, нет, не так – Зосим надеялся увидеть римских сенаторов. И Суллу.

Публий чувствовал себя виноватым. Он схватил Зосима за руку и прошептал:

– Клянусь Юпитером, ты будешь свободным!

II

Отец медленно выздоравливал после тяжелого ранения. Днем рабы переносили его из темной спальни в комнату с окном, и отец лежал, согревая над жаровней руки, и выслушивал рассказы рабов о том, что творится в Городе, о проскрипционных списках и новых законах Суллы.

Утром на форуме теперь вывешивали проскрипционные списки. Сотни имен отверженных, кого теперь можно убивать, как бешеных собак. Каждый искал свое имя, радовался, если не находил, и, переведя дыхание, начинал оглядываться по сторонам – нет ли рядом

объявленных вне закона. И вдруг замечал: стоит! Спрятав лицо, натянув полу тоги на голову, якобы укрываясь от ветра и пыли. И бочком так бочком принимался протискиваться сквозь толпу, не выдерживал и кидался бежать. А следом уже неслись охотники, чтобы настигнуть в ближайшей улице и перерезать беглецу горло.

Клодий видел, как сосед прятался под грудой черепицы, привезенной для стройки. Но его нашли, и, пока черепицу разбирали, слышался истошный визг, будто резали свинью. А потом центурион взмахнул мечом, и визг прекратился.

Гости, приходя к отцу, рассказывали ужасные вещи: на форуме выставляли отрубленные головы, а неподалеку грудами сваливали конфискованное добро – ложа убитых, их пурпурные ткани и скульптуры. Бюсты проскрибированных разбивали, восковые маски давили кальцеями или бросали в костер. Воск плавился, лица превращались в грязно-желтые лужицы. Людей не просто убивали – навсегда стирали из памяти целые роды.

Публий с братьями бегали смотреть на отрубленные головы, хотя отец запретил это делать. А Зосим, напротив, если его посылали в лавки, всегда обходил стороной ростры, к которым прибивали головы.

Помнится, Публий однажды утром стал просить отца отдать ему Зосима.

– Зачем? – спросил отец.

Тусклый свет падал сквозь дверной проем, светильник не горел, но даже в полумраке было видно, как отец похудел, – лихорадка истрепала его и превратила в обтянутый кожей скелет.

– Пусть Зосим будет моим! Только моим! – потребовал Публий.

– Вообще-то я хотел, чтобы Зосим принадлежал Гаю. – Отец задумался. Публию показалось даже, что он улыбнулся. – Но если уговоришь брата, Зосим твой.

И все? Такая малость? Уговорить! Публий свинцовым снарядом из пращи вылетел из спальни. Не успело вытечь и четверть клепсидры, как дом огласился криками и визгом. Когда челядь сбежалась на шум, выяснилось, что Гай и Публий тузят друг друга в перистиле. И хотя Гай был старше и крупнее, Публий одолевал. Но все же Гай сумел стряхнуть брата – разница в двадцать фунтов кое-что да значила. Но Публий, вместо того, чтобы подняться, змеей скользнул по мраморному полу и впился Гаю зубами в икру. Укушенный так завизжал, что почудилось – сейчас рухнут перекрытия в доме. И тут Гай увидел, что отец стоит на пороге и смотрит на сыновей. Крик тотчас оборвался, лишь слезы катились по щекам мальчишки. Отец походил на призрак, бежавший с берегов Стикса, – лицом белее своей белой туники; с запавшими щеками, небритый.

– Ты – бешеный упрямец, Публий, – проговорил отец тихо. – Зосим – твой. И отпусти Гая, а не то я велю послать за конюхом, чтобы тебе разжали челюсти клещами.

Публий наконец разжал зубы. Рот его был полон крови.

«Бешеный!» – дразнил его с тех пор брат Гай.

Кличка так за Публием и осталась.

Акт II
ПРЕТЕНДЕНТЫ

Картина I. Таинства Доброй богини

Катилина погиб, сражаясь с войсками сената. С ним была лишь кучка сторонников, он вступил в бой без надежды на успех. Луций Сергий Катилина стоял в центре, впереди, рядом с орлом [53], по преданию, тем самым, что находился в войске Гая Мария во время войны с кимврами. Катилина был неукротим, как всегда. Прекрасный боец, в рукопашной ему нет, вернее, не было равных. Его, смертельно раненного, нашли далеко от всех, среди вражеских тел.

Если Цезарь хотел узнать, готовы ли римляне сражаться за безнадежное дело, то теперь он получил ответ, и ответ дерзкий.

Да, готовы.

3 декабря 62 года до н. э

I

Клодий вышел из дома уже после полудня. Патриция сопровождали два клиента, у каждого на кожаной перевязи висел через плечо меч; рукоятки задиристо топорщили толстую ткань плащей. Сам Клодий был в тоге и без оружия.

На улице его поджидали: едва он переступил порог, как к нему кинулась девочка, если судить по одежде и манерам – служанка. На самом деле она была уже взрослой – лет пятнадцати или шестнадцати, но маленького роста и худенькой. Девушка вложила Клодию в ладонь вощеные таблички. Патриций глянул на печать и торжествующе изломил бровь. Прочитав послание, несколько мгновений смотрел куда-то мимо служанки и улыбался.

Потом тряхнул головой, глянул на девушку все так же торжествующе и сказал:

– Передай два слова: «Я буду».

– А письмо? – шепнула она, косясь на клиентов.

– Что – письмо?

– Домна просила его вернуть.

Ногтем Клодий стер несколько слов на воске, после чего вернул таблички посланнице, прибавив серебряный денарий.

– Не подведи меня, Абра! – шепнул в розовое ушко.

Девушка покраснела, обещающе улыбнулась и вприпрыжку унеслась по улице, будто, в самом деле, была еще малым ребенком.

– Идемте, скорее! – повернулся Клодий к клиентам. – Час далеко не ранний.

– Куда нам торопиться, позволь узнать? – спросил клиент Гай. Слова он выговаривал нечетко: его губа, разбитая пару дней назад в драке, только начала подживать. – Уж не на праздник ли Доброй богини? – Он захохотал, находя шутку удачной – на таинствах Доброй богини присутствовать мужчинам строжайше запрещалось.

---

[53] *Орел аквила* – серебряный орел с золотой молнией в когтях был со времен Мария знаком легиона.

– А ведь точно, сегодня же Бона деа! – подхватил второй клиент. – Женщины собираются в доме претора Цезаря в Субуре, как я слышал. Хоть бы одним глазком поглядеть, что они там вытворяют.

– Я, кстати, свою конкубину[54] расспрашивал, хотел узнать, что там происходит, а она молчит, и ни гу-гу, хотя обычно трещит без умолку. У меня такое чувство, – Гай понизил голос, – что она ничегошеньки не помнит. Такое может быть?

– Не может, – отозвался Клодий. – Им просто стыдно рассказывать, что там творится. Если не веришь, спроси у Цицерона, мы к нему как раз направляемся.

– Цицерон, что, баба? – еще громче заржал Гай.

– Нет, но он утверждает, что знает все на свете.

Цицерон только что купил дом у богача Красса.

Дома на Палатине в тот год стоили безумно дорого. Цицерону казалось, что после этой покупки все его осуждают и все завидуют – одновременно.

Привратник, похожий на большого лохматого пса, открыл перед гостями дверь. Атрий украшали четыре колонны, по краю отверстия в потолке шел узорный фриз. На зиму отверстие затянули тентом, и потому в атрии было темновато. Но даже в полумраке сиял золотом шлем статуи Минервы.

Едва гости явились, как в атрий вышла Теренция. За ее спиной маячила служанка с трехлетним Марком на руках. Малыш был занят: он пыхтел от старания, пытаясь сорвать с шеи золотой амулет.

– Рано что-то вы пожаловали, доблестные мужи, – проговорила матрона с издевкой в голосе. – Обед у нас подают только после захода солнца – у мужа плохой желудок, и он заботится о своем здоровье, в отличие от беззаботных гуляк, которые готовы набивать брюхо с утра жирными колбасами и ветчиной.

– Нет, нет, ни кусочка ветчины! – запротестовал Клодий. – Я с клиентами ел лишь вчерашний хлеб да пил воду из Теплого акведука. И потом, я тоже очень беспокоюсь о желудке и не возьму в вашем доме в рот ни крошки. Но мои спутники не прочь чего-нибудь перехватить. Как насчет вина и лепешек с сыром? По-моему, с кухни тянет именно сырными лепешками.

– Я же сказала: у нас утром не готовят. А сырный пирог подают на десерт. Никто не начинает обед с десерта.

– Так пусть хоть дадут яиц, испеченных в золе!

Теренция не ответила и удалилась, всем своим видом показывая, что ни лепешек, ни вина, ни яиц гости не дождутся. Не то чтобы гости были голодны, но беседа всегда приятна, если хозяин велит принести кувшин хорошего вина – хиосского или фалерна.

– Врет, причем бессовестно, – подвел итог проигранной дискуссии клиент Гай. – Вот поэтому я и не женюсь – чтобы на своей собственной кухне не красть хлеб с сыром.

– Ну да, пока ты воруешь на чужих.

Клодий и его спутники миновали атрий и, отдернув занавеску, ввалились в таблин. Марк Туллий отложил папирусный свиток и приподнялся на ложе, опершись локтем на подушку. Консуляр[55] изрядно располнел за последний год, наметился второй подбородок, и вокруг рта появились мясистые складки. Впрочем, эта дородность ему шла, скрадывала провинциальную суетливость. Красивая голова Цицерона чем-то напоминала львиную морду, что украшала бронзовый подлокотник. Секретарь Тирон расположился на низкой скамеечке и записывал на вощеных дощечках замечания хозяина. Бронзовое стило в его пальцах так и летало.

---

[54] *Конкубина* – любовница, сожительница.

[55] *Консуляр* – бывший консул.

– А, Публий, друг мой, что же так редко заходишь? – радушно встретил гостя Цицерон. – Я как раз редактирую мои речи против Катилины для издания. Не только сенаторы, что были в тот день на заседании в храме Согласия, а весь Рим должен узнать, что именно я своим мужеством и бдительностью спас Республику от преступников. Мне приходилось надевать панцирь под тогу, ибо жизни моей угрожала нешуточная опасность.

Нетрудно было разгадать замысел консуляра: едва опасность миновала и пугающие слухи улеглись, как зазвучали голоса, осуждающие казнь сторонников Катилины. Так что Марк Туллий спешил оправдаться.

– Тебе и сейчас угрожает опасность. – Клодий уселся в плетеное кресло, его спутники – на бронзовую скамью для двоих. – В такие дни особенно ценится помощь друзей.

– Ах, Публий, Публий! Настоящих друзей у меня слишком мало. Разве что ты, да еще Помпоний. Остальные лишь притворяются друзьями и не ценят оказанные благодеяния. А ведь я спас их всех, с их имуществом, женами, детьми. И что же, от многих я слышу доброе слово? Приходится самому заботиться о славе. Помпея в те памятные дни не было в Риме, но он непременно должен узнать о моем мужестве при подавлении заговора. Я намерен выступить в присутствии Помпея с речью о моем консульстве.

– Зачем? – Клодий удивленно приподнял бровь.

Вопрос обескуражил Цицерона. Уж не насмешничает ли Публий Клодий? Цицерон глянул на молодого человека с подозрением. Тот был совершенно серьезен. Разве что глаза… Но по глазам Клодия ничего не понять – в них всегда дерзкий вызов и затаенная насмешка. Даже какого цвета они – не разберешь, то ли светлые, то ли темные. Глаза мудреца и подлеца одновременно.

– Помпей Магн больше солдат, нежели политик, но его мнение ценится высоко в Риме, – заметил Цицерон.

– Марк, да ты трусишь! – рассмеялся Клодий. – Что с тобой?

– Я чувствую себя таким одиноким, – признался консуляр. – Вокруг столько злобы. Знаешь, какой день самый счастливый в моей жизни? Да-да, тот декабрьский день, когда я подавил заговор. Рим на мгновение стал единым, как всегда в час опасности. Но тот час миновал, и вновь все смотрят друг на друга волками, думают лишь о деньгах и подличают, подличают…

Цицерон внезапно замолк.

– Говори! – попросил Клодий. – Я люблю слушать, когда ты так говоришь.

– Да что там! – Цицерон махнул рукой. – Надеюсь, боги, покровители этого Города, вознаградят меня за мои заслуги.

Секретарь тем временем продолжал писать, как будто и не было никакого разговора в таблине. Клодий приметил это, подался вперед и вырвал из рук Тирона табличку и стило. Попытался прочесть написанное, но не смог: вместо привычных латинских или греческих букв на воске змеились незнакомые закорючки.

– Что это?

– Мой шифр, доминус. Для быстроты записи. Значков много, пятьдесят шесть тысяч, зато я успеваю записывать за говорящим почти дословно.

– Не надо за мной записывать! – Обратным концом стила Клодий разровнял воск. – Я сам излагаю свои мысли. Так надежнее.

– Мой Алексид, оставь нас. У нас будет очень важный разговор, ведь я угадал? – Цицерон понимающе улыбнулся.

– Разумеется.

– Тирон, пусть подадут нам вина. Скажи, что доминус велел. – Цицерон повысил голос, но было сомнительно, что приказ исполнят. Теренция наверняка распорядилась не открывать

погреб. На кухне слова «доминус велел» – пустой звук. Теренция хорошо помнила, какое приданое она принесла в дом супруга.

– Есть одно дело, которым я хочу заняться немедленно. С надеждой на твою поддержку, – сказал Клодий.

– Так о чем же речь? А, подожди, подожди. Послушай вот это! – Цицерон схватил со стола свиток и развернул. – Какие замечательные выражения, оцени: «Я уже давно увидел, что в государстве нарастает какое-то страшное безумие, и понял, что затевается и назревает какое-то зло, неведомое доселе…» Ну, как? Это моя «Четвертая речь против Луция Сергия Катилины».

– Какая жалость, что сам Катилина эту речь не слышал!

Цицерон пропустил мимо ушей ехидное замечание.

– Так вот, о моем деле, – продолжал Клодий. – Хочу выставить свою кандидатуру в народные трибуны.

Цицерон изумился:

– Но ты не имеешь права! Народным трибуном может быть только плебей.

– И что?

– Ты из патрицианского рода! – В голосе Цицерона прозвучала несмываемая зависть.

– Плебеи давным-давно заседают в сенате и становятся консулами. Почему бы патрицию не стать народным трибуном? А мое происхождение… Ничего не стоит переделать меня из патриция в плебея, раз я этого хочу. Я просто-напросто откажусь от своего патрицианского звания и объявлю себя плебеем.

– Не получится. Ты можешь стать плебеем только путем усыновления. А это совсем не просто. Для усыновления взрослого человека требуется издание специального закона с участием понтификов. Столько формальностей…

– Их можно преодолеть, – улыбнулся Клодий. Запас лести и терпения у него заканчивался. – С твоей помощью.

– Разумеется, многие помнят, что мое консульство оказалось спасительным для римского народа. И все же твое дело безумно сложное. Где же Алексид? – вздохнул Цицерон. – Боюсь, Теренция не пустит его в погреб. Милая женушка слишком печется о моем здоровье.

Кожаная занавеска таблина заколыхалась, и Тирон внес кувшин и четыре чаши.

– Я не стал обращаться к виночерпию, а сам разбавил вино, – пояснил секретарь.

– Мой Алексид, ты умница! – воскликнул Цицерон. – Он, кстати, сортирует все письма, хранит черновики и корреспонденцию, которую я получаю. Готовит к изданию.

– Посмертному, – фыркнул Клодий, и надо сказать, что Цицерону не очень понравилась шутка.

– Я подумаю о твоих словах, – отвечал Цицерон, нахмурившись. Фраза вышла еще более двусмысленная, чем у Клодия.

– Да нечего тут думать, надо действовать. В народном собрании меня любят, я без труда выиграю выборы.

– Зато сенат относится к тебе настороженно.

– Насколько я помню, ты сам говорил, что сенат – это сборище твердолобых равнодушных лентяев. Так зачем перед ними заискивать?!

– Но почему именно народным трибуном? Ведь тебя избрали на следующий год квестором.[56]

[56] *Квестор* – казначей. Первая должность в иерархии, введенной Суллой, которая давала право заседать в сенате. Клодий получил должность квестора в Сицилии. В 75 году до н. э. квестором в Сицилии был Цицерон.

– Власть народного трибуна огромна. Моя тетка была замужем за Тиберием Гракхом. Так что я, можно считать, наследник Тиберия и Гая Гракхов.[57] Кому же еще быть народным трибуном, как не мне!

– Гай Гракх – бунтарь и ниспровергатель. Незачем ему подражать.

– Кому же можно подражать?

– Катону.

– Катону? Которому из них? Катону-Цензору или его потомку, тому, что уговорил тебя казнить пятерых римских граждан без суда?

Красивое полное лицо консуляра обмякло, губы дрогнули.

– Я спасал Республику, – заявил он, но без прежней уверенности.

В этот миг на Цицерона навалилось ощущение пустоты и безысходности, кто-то невидимый и злобный жарко дохнул в шею, будто готовился вонзить зубы. Знаменитый оратор вдруг увидел себя на форуме перед трибуной, с которой так часто выступал. Прямо перед ним на стене трибуны, как раз между двумя рострами, была прибита отрубленная голова. Цицерон вгляделся. О, боги! Это была его собственная голова, с растрепанными волосами и небритыми щеками, из полуоткрытого рта вывалился позеленевший язык. Цицерон поднял руки и понял, что головы у него на плечах нет…

Консуляр резко дернулся и очнулся. Неужели он заснул на миг и видел ужасный сон?

– Мы с тобой друзья, Марк Туллий! – услышал он будто издалека голос Клодия. – Раз мы друзья, то должны обмениваться друг с другом благодеяниями. Помни, что теперь твоя очередь: я спас тебе жизнь год назад!

Марк Туллий кисло улыбнулся.

– Твой род – один из самых знаменитых, Клодий. И ты хочешь его покинуть. Это же безумие!

– Нет, это не безумие! – Клодий вскочил и чуть не опрокинул одноногий столик. – Не безумие! Я не цепляюсь за мелочи и не страдаю тщеславием. Мне плевать, буду я именоваться патрицием или плебеем. Я хочу быть народным трибуном. А ты, сиятельный, должен мне помочь!

– Мой друг Клодий! – покачал головой Цицерон. – Ты слишком юн и не понимаешь, что нельзя разрушать древние традиции. Традиции, как канаты, удерживают нашу Республику… – Цицерон замолчал.

– От падения, – подсказал Клодий. – Ты ведь это хотел сказать? «От падения». Но и от движения вперед – тоже. Марк Туллий, мы с тобой должны освободить колосс от лишних пут. Пусть он движется, пусть живет. Марк Туллий, помоги мне, я помогу тебе, и…

Цицерон отрицательно покачал головой:

– То, что ты предлагаешь, невозможно. Я не могу разрушать Республику. Это слишком больно.

– Да о чем ты болтаешь! О чем! – Клодий схватился за голову. – Это же формальность! Мне надо стать народным трибуном, значит, я стану плебеем. И что же, после этого у меня будут другие глаза, уши, волосы, я стану трусливее или смелее? Это пустая формальность. Я даже имени не поменяю.

– Тем более.

---

[57] *Гракхи* – народные трибуны, погибшие в борьбе с сенатом. Тиберий Семпроний Гракх, народный трибун 133 года до н. э., автор закона об ограничении пользования землей, создал комиссию по перераспределению земли. Был обвинен в стремлении к царской власти и убит сенаторами под предводительством Сципиона Назики. Его тело бросили в Тибр. Был женат на тетке Клодия Клавдии. Гай Семпроний Гракх, младший брат Тиберия, народный трибун 123 и 122 годов до н. э., предложил ряд законопроектов о реформе судов и раздачах дешевого хлеба. Сенаторы попытались отменить его законы в 121 году до н. э., возникли беспорядки, Гай погиб.

– Да чтоб тебя Орк сожрал! – в сердцах воскликнул Клодий и выбежал из таблина. Вслед за ним выскочили и его клиенты.

С хозяином остался лишь верный Тирон.

– Доколе! – воскликнул Цицерон и, взяв чашу из рук Тирона, сделал несколько жадных глотков. – Доколе… – повторил он, но уже тихо и растерянно. Разбавленное вино в чаше плеснулось и едва не пролилось.

– Хорошее начало для речи. – Секретарь вновь примостился на своей скамеечке, тщательно разровнял воск на дощечке, изготовил стило.

– Да, да, я помню. Когда я воскликнул «Доколе!», сенаторы прямо-таки вздрогнули. – Цицерон провел ладонью по лицу. – Что скажет обо мне история через шестьсот лет? Я боюсь этого больше, чем пересудов современников. Как бы через эти шестьсот лет заслуги Помпея не показались выше, чем мои! – Тирон изобразил на лице крайнее недоумение. «Как можно такое подумать?!» – так и кричали его изломленные брови. – О да, я славолюбив, приятно знать свои недостатки, – извинительно улыбнулся Цицерон. – Хотелось бы еще при жизни насладиться своей скромной славой. – Он вновь взял со столика свиток. – Хочет стать плебеем! Потомок Клавдия Слепца – плебей! Вот мерзавец! – В голосе консуляра невольно прозвучало восхищение.

II

Выскочив из дома, Клодий скорым шагом прошелся вдоль беломраморного портика, внезапно нагнулся, подобрал кусочек угля, упавший из корзины углежога, и размашисто написал на колонне:

«Цицерон – тупица!»

Отступил на шаг. Полюбовался. Перешел к другой колонне и на ней тоже оставил граффити:

«Цицерон – убийца римских граждан!»

Клиенты переглянулись.

Клодий отряхнул руки от угольной пыли и рассмеялся. Хорошее настроение к нему вернулось.

– Место здесь удачное. Красс знал, где строить. Но если присоединить соседний участок, можно выстроить большой дом с перистилем, а в портиках сделать комнаты. Как ты думаешь, Гай?

– На какие деньги? Говорят, Цицерон заплатил Крассу за этот дом три с половиной миллиона сестерциев.

– Ерунда. Я богат, а скоро буду еще богаче. Кстати, я забыл купить одну вещь. Гай, зайди на форум и подыщи в Старых лавках кифару.

– Кифару? – изумился тот. – Ты что, решил играть на кифаре?…

– Почему бы и нет? Постарайся, выбери приличную.

– Сто сестерциев, – сказал Гай.

– За одну кифару?

– За хорошую кифару.

– Ты наглец, Гай! Я же вижу, что ты меня нагло обкрадываешь!

– Доминус, я тебе служу. Хорошая кифара стоит больше сотни.

– А плохая?

– Двадцать.

– Тогда купи плохую.

III

Фамилия Клодия давно привыкла к странному поведению своего господина. Еще до службы в армии на Востоке он был известен дерзкими выходками, но когда возвратился, то вовсе стал непредсказуем. Лукулл его ненавидел – да и как еще относиться к родственнику, который поднял мятеж в войсках и потребовал передачи командования Помпею Великому?

Однако старшая сестра, супруга Метелла Целера, волоокая красавица Клодия, братом была довольна. О близости брата с сестрой по Риму ходили самые темные слухи. Рим, который в те годы ничем нельзя было удивить, был все же удивлен. О Публии Клодии говорили все и постоянно. Рассказывали о его приключениях и драках, любовных связях и скандалах. Случалось ему переодетым, в сопровождении гладиаторов, шляться по самым грязным тавернам, пировать в обществе вольноотпущенников и пролетариев, беглых рабов и убийц. Он ел вместе с ними чечевичную похлебку и бобы, мог бросить кабатчику серебряную монету, мог и золотой, а мог и ничего не заплатить, да еще угостить ударом дубины – если кабатчик был недостаточно почтителен с его друзьями. Так, месяц за месяцем, путешествуя по тавернам, инсулам и лупанариям, Клодий сделался народным любимцем. Ни перед кем не заискивая, не меняя манер и привычек, патриций стал своим для бедняков и беглецов, их другом и братом. Но при этом никто ни на миг не забывал, что Клодий – аристократ, наследник известного имени, хотя патриций был не прочь высмеять тех, кто был ровней ему по рождению, и никогда не презирал тех, с кем пил дешевое вейское вино в грязных тавернах.

Так что зимним вечером никто из домашних не обратил внимания на женщину-кифаристку, что вышла из дома Клодия после заката и куда-то направилась по темным улицам, закутавшись с головой в шерстяной гиматий. Никто не освещал ей дорогу, – лишь на расстоянии следовал мужчина в сером плаще. Порой женщина спотыкалась, как будто сандалии были неудобны, или оборвались ремешки.

Два подвыпивших вольноотпущенника увязались за нею. Но один тут же получил по зубам и, захлебываясь кровью, сел на мостовую. Второй благоразумно отступил. Вдоль улицы лепились друг к другу лавки, днем здесь кипела жизнь, торговали дешевой снедью и дорогой заморской дичью, железным товаром и притираниями; тайком можно было приобрести запечатанный флакон с колдовским зельем. С наступлением сумерек толпа редела, но и сейчас немало ставень и дверей было приоткрыто: тут до утра просиживали беглые рабы и бродячие философы за чашей дешевого вина, а лупанариев в этом районе было куда больше, чем ювелирных лавок на Священной дороге. Одним словом, Субура. Богачи здесь селились редко, и женщине в одиночку на этой улице не следовало появляться после захода солнца. Но кифаристку как будто не волновали опасности Субуры.

Наконец женщина очутилась перед дверью большого дома. У входа горел полотняный фонарь, но привратника не было видно: на скамейке сидела старуха, закутавшись в темные тряпки, и клевала носом. В этот дом только что вошли две нарядные матроны, и дверь была приоткрыта. Кифаристка огляделась по сторонам и спешно, почти бегом, вошла. Старуха дернула головой, просыпаясь, хотела крикнуть вслед, но передумала, лишь плотнее закуталась в шерстяную тряпку: на улице было холодно.

– Абра! – позвала кифаристка слишком низким для женщины голосом.

В атрии горело несколько светильников, стояли две жаровни с раскаленными углями, так что было почти светло. Желтки-отражения плыли в маленьком бассейне в центре атрия. Интерьер, как в любом доме патриция: мозаичный пол, ровно оштукатуренные стены с растительным узором в этрусском стиле, ряды полок с восковыми масками предков; каждая маска несла печать сходства, доведенного порой до карикатурности. Бронзовая табличка,

прибитая под маской, сообщала, что знаменитый предок совершил в своей жизни много лет назад.

– Я здесь! – откликнулась юркая служанка. Она поджидала гостью в атрии, делая вид, что плетет гирлянду из виноградных листьев. – Идем скорее, я спрячу тебя в своей комнате. Там подождешь. – Она огляделась.

– Помпея… – начала было кифаристка.

– Она придет! – Абра ухватила гостью за руку и потянула за собой в глубь дома. – Но не сейчас. Сейчас слишком опасно. Она обещала мне золотой, но я до смерти боюсь. Если тебя увидят…

– Подожди! Неужели ты не дашь мне глянуть хоть одним глазком на таинства Доброй богини?

– Тише! – в ужасе пискнула служанка. – Таинства давно начались. В перистиле уже соорудили шалаши из виноградных листьев. Вот-вот начнутся жертвоприношения за римский народ.

– Очень интересно.

– Там же весталки, – в ужасе прошептала служанка, чувствуя, что с гостьей ей не сладить. – С ними лучше не встречаться, а то…

– Я – женщина… – со смехом отвечала кифаристка.

– Тише, Клодий! – взмолилась Абра.

Дерзкий патриций, не обращая внимания на ее испуганный шепот, отдернул кожаную занавеску и шагнул в таблин. Здесь не было светильников. Но сквозь решетку на двери можно было заметить отблески оранжевого – в перистиле, куда выходила дверь, горели факелы.

Дом полнился звуками – звучала музыка, слышались голоса. И повсюду шаги – легкие, женские. Аромат благовоний, то усиливаясь, то ослабевая, проникал сквозь решетку двери. Абра поневоле последовала за Клодием. Ее маленькие ножки, обутые в сандалии из мягкой кожи, неслышно ступали по мозаичному полу. Мужчины покинули дом еще утром, и до окончания таинств Доброй богини вход им сюда был строжайше запрещен. Даже мальчикам, даже рабам.

– Подержи-ка! – Клодий сунул в руки Абре кифару.

Одна струна лопнула, издав протяжный звук. Служанка испуганно ахнула, а Клодий рассмеялся.

И приоткрыл дверь во внутренний садик.

Из таблина видны были колоннада перистиля, мраморная статуя нимфы и расставленные рядами жаровни. Над красными углями вились фиолетовые струйки дыма. Отсветы огней плясали на колоннах. Плеснула вода в бассейне, зазвенели кимвалы, а следом раздался протяжный звук, от которого дрожь пробежала по телу, – скрежет, вой и перезвон одновременно. Послышались голоса, поющие какой-то гимн – протяжно и в то же время торжественно. Две женщины: одна уже немолодая, другая – лет двадцати, – бросали в жаровни шарики фимиама. Запах курящихся благовоний сделался почти приторным. Из-за угла, огибая перистиль, появилась женщина с глиняным сосудом в руках. Ее белые одежды развевались, выбеленные мелом лицо и руки сливались с тканью.

– Очистительный огонь! – выкрикнула смотрительница огня. – Коснись очистительного огня.

Жаровни, поставленные слишком близко друг к другу, вспыхнули, грозя подпалить развевающиеся ткани.

Весталка?

Клодий шагнул в перистиль. Сзади чуть слышно ахнула Абра. Пальцы ее пытались схватить дерзкого за гиматий, но соскользнули.

Клодия заметили.

– Ты опаздываешь, – строго заметила матрона, смотрительница огня, и подала лжекифаристке чашу с каким-то напитком.

Старинная глиняная чаша была полна до краев. Темная, почти черная жидкость.

«Не вино, – подумал Клодий, – похоже больше на кровь. Отравленная кровь…»

Но пахло не кровью – жидкость источала пряный травяной запах.

– Пей! – отрывисто приказала матрона.

Он сделал глоток. Один, потом второй. Ничего не произошло. Жидкость была горьковатой и терпкой и казалась жирноватой. Она обволакивала губы и нёбо. Каждый глоток был труден.

Молоденькая служанка ухватила Клодия за руку и повела с торжественным и важным видом. Звук кимвалов сделался громче, прерывая заунывную и простую, как вой ветра, мелодию флейт. Клодий почувствовал, что дрожит. Ему показалось, что он подступает к какому-то важному барьеру, границе, Термину,[58] переступит и…

Странное чувство восторга его охватило. Ему мнилось – он господин Рима, покоривший даже римских богов. Женщины делали ему какие-то знаки – и он понимал их смысл. Кровь билась в висках, и возбуждение – чисто физическое, плотское – охватывало его все сильнее. Каждую женщину он готов был обнять, каждую – оплодотворить. Уже не бассейн, а целое озеро было перед ним, и в центре – шалаш из виноградных листьев.

Навстречу ему шла Помпея – прекрасная, дерзкая, с бесстыдной улыбкой на полных губах. Она взяла его за руку и провела по узкому мостку, раздвинула полог из виноградных листьев.

– Помпея, прекрасная Помпея, – пробормотал он заплетающимся языком. – Ты позвала, я не смог устоять.

– Ты рискнул? Ради меня? Неужели?

Он обнял ее почти грубо, поцеловал в шею. От нее пахло сирийскими благовониями. В темноте и тесноте шалаша вдруг сделалось жарко и душно. Мир волновался и плыл куда-то. Тело Помпеи обжигало.

– Раз больше негде встретиться, только здесь, – я пришел сюда. Меня ничто не остановит. И никто.

– Старуха Аврелия следит за каждым моим шагом. А мы здесь… – Она самодовольно хихикнула.

– Что вы прячете от мужчин, скажи?

– Нет, я не могу.

– Богиня незримо присутствует здесь и сейчас, так ведь? В каждой женщине…

«Я буду в эту ночь обладать богиней. Отныне она будет помогать мне в любом начинании!..» – закончил он про себя и жадно впился в губы Помпеи. Верил ли он в то, что говорил? Еще полчаса назад – нет. Рука скользнула по бедру, задирая платье. На Помпее не было набедренной повязки. Он коснулся пальцами Венериного холмика, женщина застонала. Виноградные листья шуршали при каждом их движении.

Из шалаша Клодий выбрался первым, одернул платье, бегом перебежал по узкому мостку. Теперь он не слышал музыки – лишь протяжное заунывное пение на одной ноте. Соблазн глянуть, что же происходит, стал еще сильнее…

Неожиданно кто-то положил руку ему на плечо. Он резко обернулся. Слишком резко – его качнуло. Перед ним стояла немолодая женщина, в полумраке он не мог различить ее лица, но сразу догадался, что это Аврелия, мать претора Гая Юлия Цезаря, в доме которого проходили таинства.

---

[58] *Термин* – бог, олицетворяющий священность границы.

– Сегодня я руковожу обрядами, – сказала матрона строго. – Я тебя не приглашала. Кто ты?

– Я… – Клодий постарался изменить голос и говорить фальцетом. – Я пришла к Абре. Я – самая лучшая кифаристка в Риме.

– Кифаристка должна играть, здесь ей делать нечего. Здесь только самые уважаемые матроны. Идем-ка в таблин, я укажу тебе, где быть, – потребовала Аврелия и повела лжекифаристку назад в таблин.

Клодий не пытался бежать. Пока.

Абра при виде Аврелии и переодетого патриция забилась в угол таблина, не в силах вымолвить ни слова, и лишь кусала пальцы.

Клодий улыбнулся и поправил ленточки в завитых волосах, старательно изображая дешевую кокетку.

– Я тебя не помню. – Аврелия попыталась развернуть странную гостью к свету, что лился из атрия. – С кем ты? Кто тебя позвал?

В таблин вошли две служанки с факелами и охапками срезанных виноградных лоз. Сделалось еще светлее. По стенам, расписанным коричневым по красному фону, заметались тени. Факел ярко осветил лицо Клодия, при всей своей красоте далеко не женственное. Краска на губах и искусственный румянец на щеках не могли изменить дерзкого патриция до неузнаваемости.

– Это же Публий Клодий, – ахнула Аврелия, узнав, наконец, незваного гостя.

– Мужчина! – заорала служанка и, выронив охапку виноградных лоз, бросилась в перистиль. От факела в ее руке во все стороны сыпались искры. – Кощуууунство!

Ее спутница упала на колени возле двери, шепча:

– О, Добрая богиня, прости нас, прости, прости…

Клодий метнулся в атрий. Аврелия шагнула за ним.

Из перистиля неслись крики:

– Сюда! Сюда! Мужчина! В доме мужчина!

Клодий кинулся к наружной двери и едва не упал: ноги вдруг перестали повиноваться. Пять или шесть женщин ворвались в атрий. Одна держала в руках палку, другая – кинжал.

– Бешеный! – пискнула одна из служанок.

Маленькие ручки принялись колотить его, толкать, щипать. Кто-то вцепился в волосы. Лис, забравшийся в курятник, произвел бы меньший переполох – а тут визг, крики, ахи, охи, беготня, мелькание факелов, хлопанье дверей. Испуганное ойканье при столкновении друг с другом. Кто-то опрокинул светильник, масло разлилось. Вновь визг, крики, шипенье вылитой в огонь воды.

– Святотатство! – В атрий в развевающихся одеждах вбегали все новые и новые участницы таинства.

Клодий рванулся, оставляя в руках женщин клочья ткани и ленты, и оказался на улице. Дверь за его спиной захлопнулась. Клодий упал на мостовую. Патриций с трудом поднялся и зачем-то пытался приладить на место оторванный лоскут платья. Провел ладонью по лицу – щека была в крови, ногти какой-то разгневанной матроны оставили кровавую полосу. Клодий погрозил неведомо кому кулаком и пошатнулся. Улица подевалась куда-то. Все сделалось пурпурным – будто перед глазами Клодия натянули драгоценную ткань. Губ не разлепить, рот горел, внутри жгло, будто наглотался углей.

– Зосим! – крикнул Клодий, и верный помощник отделился от стены соседнего дома. – Помоги мне. Они напоили меня какой-то дрянью… и чуть не убили. Смешно, правда?

– Стоило ли так рисковать? – Зосим ухватил господина одной рукой, второй перекинул руку Клодию вокруг своей шеи. – Зачем?

– Стоило! – упрямо пробормотал молодой патриций. – Три Венерина спазма – ради этого можно рискнуть.

– Смуглянка, что ты выкупил из лупанария, клялась самой Венерой, что бывало и пять…

– Вот болтунья! Но там рабыня, а тут… Если мне нравится красотка, я не могу себе отказать. Ни себе, ни ей. Она – моя. – Он вновь едва не упал, Зосиму стоило большого труда его удержать. – Чем же меня они опоили? О боги, кажется, я сейчас умру. – Клодий расхохотался. – Ты бы видел, как она смотрела на меня. В присутствии мужа смотрела на меня…

Картина II. Дело о кощунстве

Если богиня, в самом деле, оскорблена, то почему она не убила меня, как только я вошел в дом претора переодетым? Говорят, мой предок Аппий Клавдий Цек ослеп потому, что разгласил подробности таинств Геркулеса. Так почему же так громко кричат отцы-сенаторы? Если кто и мог возмутиться, так это Гай Цезарь. Но он молчит. Хотя и развелся с женой.

Из записок Публия Клодия Пульхра

18 января 61 года до н. э

I

Итак, наступил год консульства Марка Пупия Пизона Кальпурниана и Марка Валерия Мессалы Нигера.

Римляне считают года по консулам. В консульство такого-то и такого-то… А как иначе прикажешь считать? Есть еще счет от основания Города. Но что могут сказать цифры? Ну, к примеру, 693 год от основания Города. И что это означает? Столько-то лет прошло с тех пор, как на берегу Тибра, на холме Палатин поселился братоубийца Ромул, вскормленный молоком волчицы. Говорят, прошлой ночью на форуме видели волка. Не к добру знак. Впрочем, никто доброго от будущего не ждет. Смутные времена. Двадцать лет, как отгремела гражданская война между Марием и Суллой. Десять лет назад фракиец Спартак грабил Италию и жег усадьбы, а в сенате все те же споры и опять драки на форуме.

Другое дело – связывать года с именами консулов. Каждый год приобретает человеческое лицо. У одного – круглое, всегда чуточку наивно-удивленное лицо Помпея Великого, у другого – встревоженная, но непременно с печатью раздумья физиономия Цицерона.

Итак, в консульство Марка Пупия, ну и того, второго Марка… Оба консула равны, нет ни первого, ни второго. Значит, два Марка вершили дела в Риме, и все шло хуже некуда.

II

В маленькой каморке под черепичной крышей летом стояла удушающая жара, а зимой было холодно, так что зуб на зуб не попадал. Зато пятый этаж – комнатенка дешевая – если можно назвать малой плату, которую собирает в Календы старик-управляющий. Эта инсула на Авентине,[59] как многие другие, принадлежала Марку Крассу Богатому. Накупил Красс домов по всему Риму и теперь сдавал замученному жизнью люду, что стекался в Рим в поисках милостей богачей и нетяжкой службы. Что можно заработать нынче на земле, если Сицилия завалила Италию дешевым хлебом? Вот и обживают потомки победителей Ганнибала уродливые островки из камня и дерева в столице мира.

Жильцы внизу пользовались жаровней, – дым поутру просачивался сквозь щели в каморку Зосима, и по этому запаху он узнавал, что пора вставать.

– Зосим! – слышал вольноотпущенник сквозь сон, но проснуться не мог. – Зосим! – надрывался голос.

Ненавидя себя и весь мир, обитатель инсулы приоткрыл глаз.

[59] *Авентин* – холм, на котором селились плебеи, в отличие от Палатина, на котором жила знать.

Крошечный огонек едва теплился в носике бронзового светильника. На улице темно, сквозь щель в ставенках не видно ни зги.

– Вставай, лентяй! – ревел кто-то на улице.

Зосим вскочил с кровати, на пол с одеяла слетели вощеные таблички и стило. Хорошо хоть пузырек с чернилами стоял на сундуке. Зосим распахнул ставни. Внизу топтался какой-то человек с факелом. Зосим узнал гладиатора Полибия.

– Чего тебе? – зло крикнул Зосим. – Сейчас, верно, третья стража еще.

– Четвертая уже пошла. Идем к патрону, дело важное есть.

– Я же утром в Интерамну[60] ехать должен.

– Забудь про Интерамну. Спускайся.

– Чего сам не зашел, а вопишь под окном?

– Так привратник брусом дверь заложил и ни за что открывать не хочет.

Зосим подобрал таблички и стило, сложил все в объемистый сундук. Там уже скопилось немало заполненных и запечатанных табличек. Отдельно в кожаном чехле лежал свиток пергамента.

Зосим захлопнул крышку сундука и стал одеваться. Натянул две шерстяные туники, поверх – плащ. Не забыл про перевязь с мечом. Светильник догорел и сам погас – Зосим всегда наливал столько масла, чтобы оно выгорало к утру и не надо было убивать огонь.

Уже в темноте запер дверь на ключ; спустился по шаткой лестнице, грохнул кулаком в каморку привратника.

– Дверь запри, я ухожу.

Старик выполз, держа в руках сальную свечу. Верно, давно зажег – еще когда Полибий стал в дверь ломиться. Свечу зажег, но дверь не открыл.

– И что тебе не спится? На салютации[61] торопишься? – Старик ухмыльнулся, демонстрируя желтые крупные зубы. Не преминет напомнить, что Зосим – вольноотпущенник и до смерти привязан к патрону.

– Не перед тобой отчитываюсь! – Зосим откинул брус с двери и вышел.

Полибий переминался с ноги на ногу: сам он выскочил из дома, накинув на одну тунику короткий плащ, и теперь изрядно замерз.

– Дело важное? – спросил Зосим.

– Боялся, что ты уедешь утром, вот и пришел до света, – отвечал Полибий. – Зачем ты вообще из дома патрона ушел? Платишь бешеные деньги за свою конуру. И каждый раз бегать за тобой… Доминус обратно зовет – иди, в доме будешь жить.

– Свободным себя почувствовать хочу. У свободного человека свое жилье должно иметься.

– Чушь какая! Мне, к примеру, ни своего жилья не надо, ни свободы. У Клодия всегда можно лишний асс выпросить. И в случае чего за хозяйской спиной укрыться. Свободного бы меня три раза уже распяли. Самое важное – это подходящего господина отыскать и сделаться ему необходимым.

С Авентина на Палатин путь не такой уж и далекий, но при этом как будто из одного мира переходишь в другой, огибая каменный мыс Большого цирка. С островов бедности – в цитадель роскоши и богатства.

Начинало светать. В лавках, что облепили Большой цирк, хлопали, открываясь, ставни. Кутаясь в лоскутные накидки и яростно зевая, навстречу спешили рабы – кто к фонтану за водой, кто к булочнику за горячим хлебом. В вестибуле Клодия теснились пять или шесть человек – клиенты, пришедшие на салютации, ожидали, когда привратник распахнет перед

---

[60] *Интерамна* – город в Умбрии, в 140 км от Рима (100 римских миль).

[61] *Салютации* – утренние приветствия со стороны клиентов патрону.

ними двери в атрий и допустит к патрону. Среди прочих выделялся дородностью Потид. Физиономия у него была круглая и сдобная, как луна в полнолуние.

– Факел ровно держи. Как стоишь, как факел-то держишь? – ругался Потид, награждая худосочного мальчишку-раба оплеухой. – Новую, ни разу не стиранную тогу чуть не сжег.

Рассказывали, что у Потида есть свои корабли, торговля вином, просторный дом, молоденькая жена, смугляночка из Вифинии. Начинал этот Потид в рабском сословии, ублажая господ в постели. Потому как в юности был красавчик, что твой Ганимед. Много чего рассказывали про Потида.

Полибий три раза грохнул кулаком в дверь. Потом еще раз постучал – потише, и привратник тут же впустил его и Зосима в атрий. Прочие остались дожидаться у дверей.

Возле мелкого бассейна в центре атрия – две мраморные скамьи с пестрыми подушками, а между ними – одноногий мраморный столик. На бронзовой подставке висели пять или шесть светильников. Было светло и дымно. И почти тепло, не то что в этой проклятой инсуле, где можно лишь тайком от привратника внести наверх жаровню с углями. Может, в самом деле, вернуться и жить при хозяине?

Зосим уселся на мраморную скамью. Мальчишка-раб, в чистой белой тунике, завитой и нарумяненный, принес две чаши с горячим разбавленным вином, подслащенным медом, и лепешку.

– Так что ж за дело такое? – спросил Зосим, разламывая хлеб пополам.

Полибий не ответил, он смотрел на мозаику на полу – волчица тащила раненую лань. Помнится, у хозяина была такая шутка: он вдруг изображал страшный гнев, кричал: «Откуда здесь кровь?» и указывал на мозаичные алые пятна, что тянулись за ланью. Рабы, подыгрывая хозяину, кидались губками вытирать кровь. Клодий всегда смеялся, если дело было при гостях, то – особенно громко.

– А помнишь… – начал Полибий и замолчал.

– Как мы кровь с тобой вытирали? – отозвался Зосим. – Конечно, помню.

– Нет, не то. Помнишь, как ты говорил мне: «Если свободу получу, то все дела прежние брошу и буду историю Республики писать. Сейчас, – говорил, – такое время, – что каждый день особенный. События по часам надо записывать, каждую фразу ловить». Говорил? – то ли с укоризной, то с насмешкой спросил Полибий.

– Говорил, – признался Зосим. – Что из того?

– Отчего тогда не пишешь?

Зосим покачал головой:

– Так ведь, когда ты раб, мнишь, что свободу получишь и станешь большим человеком. Я ночами, бывало, не спал, все мечтал, как заживу свободным.

– Как же, помню, – еще больше скривился Полибий. – Все бормотал какую-то чепуху, мне спать не давал, пока мы с тобой из Киликии домой плыли.

Зосим вскочил, зашагал по атрию. Восковые маски знаменитых Клавдиев, казалось, наблюдали за ним с любопытством.

– Все не так получилось! Не так! – выкрикнул Зосим почти с отчаянием.

– Почему? – Полибий наивно округлил глаза.

– Не так… – повторил Зосим упавшим голосом. – Деньги нужны. Сестерции, ассы. За комнатку заплатить. Ну и…

– И золотые, – поддакнул ехидно Полибий и самодовольно хихикнул.

Зосим устало махнул рукой. Золотые? Ну да, золотом все нынче в Риме бредят. Из провинций деньги в Рим привозят в огромных ивовых корзинах. Но только много ли золотых видал Зосим? Чужих – да. И немало. Патрон ему доверял. А своих? Был один-единственный, подаренный Клодием и истраченный на пергамент. Зосим почему-то решил, что должен писать свою историю на дорогом пергаменте, а не на хрупком папирусе. Он пом-

нил тот первый день наутро после получения свободы. Как, приняв от патрона в подарок десять сестерциев, бегал он по Риму, прижимая шапку вольноотпущенника к груди, в поисках жилья для свободного человека. Ветерок холодил только что обритую голову, и, может быть, оттого казалось Зосиму, что сам он с этого дня другой, и Город должен стать другим, и все должны стать другими. И вот-вот начнется какое-то совершенно невозможное, счастливое житье. Немедленно, сейчас!

Но не началось.

Дверь в атрий отворилась, вошел Клодий в тщательно уложенной тоге, как и положено патрону являться на утренний прием клиентов. Цирюльник только что выбрил его – на щеке алел свежий порез.

Клодий швырнул Зосиму весьма увесистый кошель. Ну вот, опять в руках чужое золото.

– Держи, здесь сотня золотых. Наймешь самых отчаянных парней, готовых на любое дело. К примеру… – Клодий помолчал. – К примеру, готовых прогнать судей с форума во время судебного заседания.

У Зосима, привыкшего, кажется, ко всему, сам собой открылся рот.

– Что случилось? – с трудом выдавил он.

– Меня будут судить.

– За подкуп на выборах?

– За кощунство на таинствах Доброй богини. – Патриций саркастически хмыкнул: – Жизненно важный вопрос: совершил ли кощунство Публий Клодий, когда в женских тряпках явился на празднества Доброй богини, или нет?

– Может быть, сенат замнет это дело?

– Как же! Лично был в сенате, каждому кидался в ноги, – Клодий говорил об этом как о чем-то очень забавном. – Но сенаторы в ужасе и со дня на день ожидают дождя из раскаленных камней. Все беды оттого, что возросло нечестие, – бормочут оптиматы. Поскольку дела в Риме идут фекально, то пора заняться лечением нравов. И начать надо с меня. Я виноват во всем! Впрочем, причина такого выбора ясна: не уважаю сенат, зато популярен в комициях.[62] Потому оптиматы и жаждут моей крови.

– Тебя точно осудят. Зарежут свинцовым мечом, – вздохнул Зосим.

– Не так все страшно. Алиби уже придумал: скажу, что был в это время в Интерамне, в своем поместье. Кавсиний Схола обещал на суде подтвердить.

– Цицерон не выдаст? Ты был у него в тот день.

– Тут бояться нечего, – уверенно заявил Клодий. – Разумеется, в сенате он громче всех трубит о справедливости. Но даже Марк Туллий не может забыть, что я спас ему жизнь. Теперь его очередь мне помочь.

– Надо судей подкупить, – как некое откровение предложил Полибий. – Побольше им денег раздать.

– А, больше денег! Замечательно! Что я, по-твоему, Марк Красс Богатый? Я только что потратился на выборы в квесторы. Через год, когда вернусь из Сицилии, любой суд куплю, а сейчас могу купить пару шлюх в лупанарии – на большее свободных денег нет. Я бы выдал судьям векселя, да они не возьмут. Только золото. Кредит мне закрыли даже самые прожжен-

[62] *Комиции* – народное собрание. Комиции собирались либо на специально огороженном участке за форумом комиций, либо на Марсовом поле. Различались центуриатные и трибутные комиции. В центуриатных комициях происходили выборы консулов, преторов, цензоров. Центуриатным комициям принадлежала высшая судебная и частично законодательная власть. По центуриям граждане были расписаны по своему социальному положению, по трибам – по месту жительства. В трибутных комициях выбирали курульных эдилов, квесторов, принимались законы, рассматривались судебные дела. Всего было тридцать пять триб, из них четыре – городских. Народ был высшей апелляционной инстанцией. Приговоренный к смерти мог апеллировать к народу, и только народ окончательно утверждал смертный приговор римского гражданина.

ные аргентарии[63] – боятся назад не получить заем. Если меня признают виновным, то объявят вне закона, а имущество продадут в пользу какого-нибудь храма. Эта сотня золотых – подарок любимой сестрицы – все, что у меня есть.

Зосим невольно вздохнул: он был уверен, что хозяин ни в каких богов не верит. Ни в Юпитера, ни в Добрую богиню. В Тартар – и в тот не верит. И это плохо.

– Может, брат Аппий даст тебе в долг? – предположил Полибий.

– Сестерциев десять, может, даже двадцать. На большее не рассчитываю, – хмыкнул Клодий. – Рядом с братом Аппием Марк Красс Богатый – сама щедрость. Вот если бы Красса немного потрясти. Не получилось. Только что от Богатого принесли письмо с отказом.

– Постой-ка! – Зосима вдруг осенило. – Вольноотпущенник Гортензия Гортала говорил, что его патрон раздражен шумихой вокруг Таинств. Гортензий считает, что делу не стоило давать ход.

– Взять Гортензия в защитники? Можно, конечно. Он судей заговорит до смерти.

– Надо взять у него денег.

– Деньги? У Гортензия? Но он не поддержал меня в сенате.

– Зато поможет тайком.

Клодий задумался.

– А ведь ты прав! Клянусь Геркулесом, ты прав. Гортензий обожает компромиссы. – Клодий хлопнул Зосима по плечу. – Гортензий Гортал – человек богатый. Что ему какой-то миллион или два! Сегодня же отправимся к Гортензию. Жаль, всех судей на эти деньги не купишь. Одного… двух, не больше. Но мы наймем сотню сплетников, они мигом разнесут по Риму, что я подкупил всех. Представляешь? Толпа, уверенная, что суд подкуплен, будет ждать только оправдательного приговора. Орать, угрожать, требовать. Весь Город будет с утра до вечера твердить, что мое оправдание предрешено. Меня не посмеют осудить, иначе толпа растерзает сенаторов. Нравится план? – У Клодия загорелись глаза.

– То есть ничего не дать, а всем сказать, что дали? – Зосим от подобной наглости онемел. – Тогда осуждение покажется не просто несправедливостью – а подлостью. Толпа подобного не простит.

– Именно! Слушай, Зосим, возвращайся-ка в дом. Ты нужен мне. Тебе в голову светлые мысли приходят чаще, чем всем остальным паразитам, вместе взятым.

Зосим и сам не знал, почему вспомнил о Гортензии Гортале. Просто вспомнил, и все. Может быть, потому, что в начале говорили о Цицероне. А уж если помянули Цицерона, то непременно помянут и Гортала. Они как братья Кастор и Поллукс, как Сцилла и Харибда, – всегда друг подле друга, два самых знаменитых оратора Рима.

– Ну что ж… Гортала я сумею убедить, – усмехнулся Клодий. – Вы же распустите слухи, что народ нападет на судей и разграбит их дома, если меня признают виновным. На каждом углу кричите, что пролетарии готовы умереть за мое доброе имя. Как только судей назначат, пишите на стенах их домов угрозы. Говорите всем и каждому, что плебс простил сенаторам смерть Катилины, но осуждение Публия Клодия не простит.

III

Стоило пожалеть о нелепой авантюре с осквернением таинства. Но Клодий ни о чем не жалел. Помпея нравилась ему, и он получил ее. Краткий миг Венериных утех… Но что длится дольше? Власть? Миг власти над этим Городом так же краток, как Венерин спазм. Но столько людей, не безумных, а, напротив, пожилых и солидных, стремятся наверх с жадностью, столь же ненасытной, как похоть Приапа.

---

[63] *Аргентарий* – делец, банкир.

Теперь Клодий мог встретиться с Помпеей в любой момент, потому как Цезарь с женой немедленно развелся после скандала. Милашка Помпея, тебе не повезло! Грустишь, прячешься, не выходишь из дома. Оказалось, что Цезарь тебя не любил. Ради первой жены Гай Юлий готов был рискнуть жизнью. А ради тебя, Помпея, рисковал Клодий своим добрым именем, которого у него никогда и не было.

Нет, с Помпеей Клодий встречаться не будет. Зачем? Все уже было: холод зимнего вечера, объятия в шалаше, угроза разоблачения, пьянящий напиток, от одного глотка которого весь мир перевернулся. Тот вечер не повторить. Нелепо искать наслаждения, которые миновали, – это как секрет коринфской бронзы, разгадать который уже никому не дано.

Сладостное приключение, из которого Клодий вышел обвиняемым, а Цезарь – свободным от брачных уз, не может иметь продолжения. Клодий был почти уверен теперь, что Цезарь ловко воспользовался скандалом: по Риму поползли слухи, что супруга тяготила великого понтифика.

Помпея – дальняя родственница Помпея Великого, но вряд ли ее судьба обеспокоит знаменитого полководца: Помпей и сам, вернувшись с Востока, развелся с женой, ибо поведение супруги Великого во время отсутствия мужа было отнюдь не безупречно. Теперь они оба – завидные женихи, Цезарь и Помпей. Один – патриций, другой – плебей, отнюдь не из знатных. Но ситуация в римской аристократии запутывалась год от года. Кто здесь знатен, а кто – выскочка, кто с кем в родстве и кто чей враг – разобраться в этом уже не каждому было под силу. Чтобы понять происходящее, Клодий порой рисовал на вощеных дощечках схемы со стрелочками. И всегда в этих схемах присутствовали Цезарь, Цицерон, Помпей и Красс.

Цезарь – претор прошлого года, он должен ехать в Дальнюю Испанию[64] – управлять провинцией. Но выехать не может из-за предстоящего суда над Клодием. Цезарь – аристократ, со всеми ровный в обращении, доброжелательный, образованный, но порой склонный к внезапным авантюрам. Чего хочет этот человек, многие гадают, подозревая великие замыслы. Но точно не знает никто.

Потом – Цицерон. Он выскочка, его отец – безвестный всадник из Арпина, не замеченный на политическом поприще, занимавшийся всю жизнь своими сельскими угодьями. Для всех в Риме Цицерон – «новый человек». Но, несмотря на это, он был избран консулом, ему удалось подавить заговор Катилины. Теперь он всем рассказывает о достигнутых успехах. И чем больше рассказывает, тем больше его ненавидят. Единственный верный союзник Цицерона – его брат Квинт, гневливый, вспыльчивый человек, который возвысился лишь благодаря старшему брату. В свое консульство Марк Цицерон протащил Квинта в преторы, и теперь бывший претор Квинт Цицерон управляет провинцией. Однако сенат к Цицерону благоволит. Прекрасный оратор и писатель отменный. Если, разумеется, говорить о его прозе, не о стихах. Его речи идут в книжных лавках нарасхват. Цицерона можно терпеть, пока он полезен, и его можно использовать. Но надо учитывать, что Цицерон не любит Цезаря и льнет к Помпею.

Итак, перед нами Помпей Магн – то есть Великий. Любимец легионов и народа, выдвиженец Суллы, победитель пиратов и Митридата, прекрасный фехтовальщик и смелый боец. Говорят, даже будучи раненым, он сумел спатой[65] отрубить руку своему противнику, а в другой раз, метнув издалека пилум,[66] убил начальника вражеской конницы. С войсками он управляться умеет, спору нет. И вот Помпей, стоявший во главе прекрасной армии, после походов на Востоке, после разгрома Митридата и побед на Кавказе распустил ветеранов по домам, пообещав им в награду землю, которой у Помпея не было, и явился к Риму в гордом

[64] *Дальняя* Испания – одна из двух испанских провинций Рима.

[65] *Спата* – меч всадника, клинок у спаты длиннее, чем у гладиуса – меча пехотинца.

[66] *Пилум* – дротик.

одиночестве. Потому что так требовал закон, а Помпей Магн законы не нарушал. Но сенат отнесся к Помпею холодно – сенаторам уже давно мерещится, что победитель хочет захватить власть. Теперь Помпей не велик, а жалок. Теперь он сидит в своем загородном доме и дальше Марсова поля[67]не ходит, потому как домогается триумфа,[68] и за сакральную линию померия путь ему заказан.

Сенат демонстративно не обращает внимания на все претензии Помпея. Пусть ждет дальше.

Есть еще Марк Красс Богатый, победитель Спартака. Но это особая тема.

Рассуждая о римских делах, Клодий налил в серебряную чашу вина и сделал большой глоток. Несколько мгновений он смотрел остановившимся взглядом на огонек, что дрожал в носике бронзового светильника.

Да, Зосим прав, весталок оскорблять не стоило. Из-за мальчишеской выходки теперь Клодия могут уничтожить. Хотя сами блюстители старины давным-давно уже не верят ни в каких богов, их благородный гнев – напускной и фальшивый. Это больше всего бесило Клодия.

Ладно, хватит размышлений. Клодий отставил чашу и хлопнул в ладоши – подал знак, что пора впустить истомившихся клиентов в атрий.

На церемонии патрон не просто выдает ассы каждому клиенту – он совершает утренний ритуал с тщанием, как и все ритуалы в своей жизни. Патрон одаривает без снисходительности или презрения, клиент принимает дар, не заискивая и не унижаясь. Ибо это всего лишь обмен благодеяниями: в свое время клиент отблагодарит патрона, окажет нужную услугу в нужное время, и все их взаимоотношения – это постоянный обмен дарами, а деньги – всего лишь самые удобные и самые любимые римлянами дары.

Последним получил свои двадцать пять ассов Потид. Ростовщик поблагодарил. Клодий кивнул в ответ, делая вид, что верит в нежные чувства Потида.

– Ты среди аргентариев теперь в большой силе, – заметил Клодий.

– О нет, мое состояние вовсе не велико, – сладеньким голоском проговорил Потид. Боялся, что от богатого клиента патрон потребует дорогой подарок – статую в атрий, или что-нибудь из серебра, огромное блюдо, к примеру.

– Да мне нет дела, каково твое состояние, – поморщился Клодий. – Я и сам человек не бедный. Если прошу в долг, то не меньше миллиона. Можешь мне дать миллион, Потид?

– Что ты, доминус, помилуй! Откуда у меня такие деньги? – Клиента прошиб холодный пот – ростовщик отлично знал, что Клодий долг ему не вернет.

– Ладно, оставь миллион себе, так и быть. Скажи-ка лучше другое: каковы долги Цезаря?

– Это тайна. Он многим должен.

– И все же?

– Говорят, велики, – потупил очи Потид. Потом оглянулся, приник к уху патрона и шепнул: – Разные ходят слухи, одни говорят – двадцать пять миллионов сестерциев, другие толкуют о ста миллионах. И будто бы из этих ста восемьсот талантов[69] – неотложные.

– То есть около двадцати миллионов. Многовато, клянусь Геркулесом.

---

[67] *Марсово поле* находилось за чертой священного померия городской границы, то есть вне Города. Переступать померий полководцу, не сложившему с себя империй, и его войску было запрещено. Формально даже носить оружие в Риме было нельзя. Но это во времена поздней Республики не соблюдалось. Единственный запрет, который не нарушали, – это запрет приходить на заседание сената с оружием.

[68] *Триумф* – торжественный въезд полководца в Город. Полководец мог получить триумф, пока не сложил с себя военную власть. Если он пересекал линию померия, то тем самым отказывался от военной власти, и триумф ему уже не могли назначить. Решение о том, чтобы даровать полководцу триумф, принимал сенат.

[69] *Талант* – греческая денежная единица и единица веса. 1 талант равен 26,2 кг серебра или 60 минам; 1 мина равна 100 драхмам; 1 драхма равна 1 денарию и 4 сестерциям.

– Да я про то же. Но Испания – богатая провинция.

– Ты сам ссужал Цезаря?

– А вот это тайна, – строго и даже укоризненно проговорил клиент. – И так о Цезаре слишком много болтают. К тому же всякие глупости. К примеру, кое-кто хочет потребовать, чтобы Цезарь заплатил долги до отъезда. – Потид усмехнулся одной половиной рта. Он-то сам требовать с Цезаря не будет ни асса. Но другие не так прозорливы. Могут Цезаря в Испанию не пустить.

– Что же ему делать?

– Хорошо бы найти человека, скажем даже, очень *богатого* человека, который мог бы за Цезаря поручиться.

– Красс?

– Ну, зачем же называть имена?!

Да, кроме Красса при таких долгах за Цезаря поручиться больше некому. Значит, Цезарь сделает Красса своим союзником. Это надо иметь в виду. Красс рядом с Цезарем – неприятно.

– Никак, ты чего-то боишься, Потид? Или кого-то?

– Богов боюсь. Боги завистливы. – Ростовщик вздохнул. – Увидят, что человек счастлив, нашлют беду; увидят, что город богат, и приведут под его стены завоевателя.

– Значит, ты боишься за Рим? – Клодий изобразил удивление.

– Боюсь, доминус.

– А за меня боишься?

– Конечно, доминус.

– Тогда передашь судьям «подарки». Всего около двух миллионов.

– У меня двух миллионов нет! – задушенно выкрикнул Потид.

– Деньги мои. Ты будешь всего лишь посредником.

– Два миллиона… Откуда? – изумился Потид.

– А вот это моя тайна. – Клодий улыбнулся.

Он был уверен, что Потид начнет немедленно расспрашивать про эти два миллиона, и слух тут же пойдет гулять по Риму. Это все, что ему сейчас нужно. Никаких двух миллионов он передавать не собирался.

Картина III. Ошибка Цицерона

Судьи ценят себя на вес золота. Как говаривал Питтак, корысть ненасытна.

Из записок Публия Клодия Пульхра

8 мая 61 года до н. э

I

Он, не стесняясь, приходил к ней в дом. А чего ему стесняться? Она его сестра. Он – Клодий. Она – Клодия. Рабы смотрели на него подозрительно. У всех рабов в ее доме лица профессиональных шпионов. Пусть смотрят. Ничего особенного не происходит. Брат зашел навестить сестру рано утром. Заглянул в малый атрий. Потом они ушли в спальню. Что из того? Может, им надо поговорить наедине. Она сбросила столу.[70] Этого никто не видит. Он скинул тогу. И это не страшно. Дверь заперта. Пусть слуги подслушивают за дверью. Что они услышат?

У Клодии спальня с окном, забранным узорной деревянной решеткой, с мягким ложем, достаточно просторным для Венериных забав. Простыни заранее надушены сирийскими духами, на подушки положены венки из весенних цветов.

Весь прошлый год Клодий часто бывал у сестрицы: муж ее Квинт Метелл Целер в те веселые деньки сидел в Цизальпинской Галлии наместником и встречам этим не мешал. Теперь, вернувшись, был на супругу весьма сердит. Ибо до него дошли слухи… Нелепости, право. Брат навещал сестрицу – разве это возбраняется?

– Ты страшный человек, Клодий, – шепчет сестра.

– Ты страшная женщина, Клодия, – шепчет брат.

Она плотоядно усмехается и подмигивает ему. Закидывает руки за голову и выгибается дугой. В ее повадке есть что-то змеиное. Кожа у нее светлого оттенка, но все равно рядом с нею Клодий кажется белокожим. Он треплет ее густые волосы с золотистым отливом, распускает по плечам.

– Я же просила! – Она в гневе отталкивает его руки. – Я же просила…

Глаза ее так и горят. В глубине – синие болотные огоньки. Он опять испортил ее прическу. Служанка старалась, укладывала, а потом Клодия долго смотрелась в полированное серебряное зеркало, любуясь работой своей искусной Псекады. Клодий за миг все разрушил. Есть часы, а время отсчитывают клепсидры. Но как узнать, какой длины миг? Падение одной капли? Двух? Десяти? Миг, когда вода останавливается. То есть время перестает течь. Да, Клодий испортил прическу Клодии. Потому что терпеть не может этих нелепых хохолков надо лбом.

– Эта прическа делает тебя похожей на курицу. А я люблю куриц только в жареном виде.

Хмурит брови сестрица. Брови у нее черные, густые.

– Как ты смеешь так говорить? – Она оскорблена и колотит кулачками ему в грудь.

Он ее постоянно оскорбляет. Каждый раз, когда они предаются Венериным усладам, он говорит какую-нибудь гадость. Это ее возбуждает. Она царапается и кусает его губы. И

[70] *Стола* – просторное женское платье.

визжит так, что даже самому последнему глупцу ясно, чем занимаются в спальне брат с сестрой.

Он оскорбляет ее и злит за их ненужное родство, которое порождает слухи. Она оскорбляет его и злит за то, что рядом с нею он выглядит шалопаем-юнцом. Рядом с другими она кажется юной красавицей, подле брата – солидной матроной. Он в отместку заставляет ее стонать и извиваться в его объятиях и, покусывая мочку ее уха, шепчет:

– Ты спишь с родным братом, дорогая.

Она стонет во время Венериного спазма, вырывается, шипит, как змея.

– Дурак! Какой же ты придурок… Зачем ты прокрался на таинства? Неужели ради этой дурочки Помпеи? Ради нее оскорбил богиню.

– Я не оскорблял богиню, сестрица. Я ее ублажил. Она давно не знала настоящей мужской любви. Ваши женские ласки – это маловато.

– Надо было мне отправиться на праздник и зарезать тебя в доме Цезаря – вот это точно бы понравилось богине.

– А тебе?

– Мне тоже.

У Клодия есть еще две сестры. Вторую кличут Клодией Младшей. Бывшая супруга Лукулла, с которой богач-гурман развелся, как только вернулся с Востока. По Городу ходят слухи, что Клодий спит со второй сестрой тоже. Но это ложь. То есть вторая сестренка, может, и рассказывает об этом, чтобы во всем сравняться со старшей, но ему даже целовать ту, вторую, неприятно. Но приходится. А третья, Терция… Не будем о ней говорить. Терция – вдовица. Поговорим о старшей, о ней есть что сказать.

Клодию Старшую прозвали Квадрантией после того, как очередной любовник прислал ей кошелек, полный мелких медных монет – квадрантов.[71] Она не осталась в долгу: натравила на оскорбителя своих ухажеров, и наглеца сильно изувечили. Но прозвище Квадрантия прилипло к ней намертво. Клодия всегда ссорится с бывшими любовниками – такая у нее натура. Любовь мгновенно переплавляется в ее страстном сердце в ненависть, причем ненависть лютую и куда более долгоживущую, чем любовь.

Помни об этом, Клодий, помни, хотя ты ей и брат.

– Тебе пора в суд, братец, – шепчет сестрица. – Тебя там ждут.

– Я не тороплюсь.

– Вдруг тебя объявят вне закона? Обвинение-то серьезное. Святотатство. Не печалься. Если поселишься в Массилии,[72] я буду изредка тебя навещать. Я – любящая сестра. – Она усмехается, проводит язычком по губам. Он бы проучил ее за эти слова, да времени уже нет.

– Не приговорят, – отвечает он, закутываясь в тогу. Самому тогу надеть практически невозможно, специально обученная для этого рабыня укладывает складки. Но сейчас никого звать нельзя. И Клодия помогает брату.

– Ты так уверен, что все обойдется?

– Абсолютно. – Он целует ее в губы – как и положено целовать сестру. Она кусает его за ухо – как не положено сестре.

II

За те месяцы, что Клодий носил траурные одежды и не стригся, находясь под следствием, его каштановые волосы отросли до плеч. Теперь ему не пришлось бы пользоваться фальшивыми локонами, чтобы выдавать себя за женщину. Полагалось еще и не брить бороду,

[71] *Квадрант* – мелкая медная монета, равная 1/4 асса.

[72] *Массилия* – Марсель.

но Клодий, никогда не выполнявший предписаний буквально, демонстративно брился каждый день, причем так чисто, что казалось, будто борода у него не растет вовсе. Ему исполнилось тридцать, но многие принимают его за мальчишку. Пульхр, Красавчик, Смазливый – его родовое прозвище всякий обыгрывал на свой лад. Что касается траурной тоги, то Клодия нисколько не смущал ее темный цвет. Да, римляне каждой мелочи придают значение. Претендент на магистратуру носит тогу из отбеленной шерсти, то есть утверждает, что он такой же белый и чистый, и от этой белоснежной тоги родилось и явилось в свет слово «кандидат». Всаднику полагается тога с узкой пурпурной полосой, сенатору – с широкой. Да и сам пурпур в зависимости от цвета тоже бывает аристократический и плебейский. Аристократический – дорогой и алый, как кровь, а плебейский – дешевый, фиолетового оттенка, почти черный.

Эти тонкости порой Клодия немало веселили. А порой донимали и приводили в бешенство.

Сейчас Клодий демонстративно не спешил. На Верхней Священной Дороге, возле храма Ларов, Клодий полюбовался выставленными на продажу цветами. Потом стал спускаться к форуму, и цветочников сменили ювелиры. В одной из этих лавок Клодий купил дешевое колечко – железное, с золотой звездочкой. Он любил посылать такие вещицы любовницам из знатных семейств. Может, подарить это колечко Помпее? Только зачем? Прибережем для какой-нибудь другой развратной самочки. Клодий миновал Фабиеву триумфальную арку и вышел на форум. Он вел себя так, будто явился узнать новости у сплетников, что вечно сидят под ростpами, да заглянуть в Старые лавки. А трибунал, установленное на нем кресло председателя, скамьи вокруг и предстоящее судилище – не имеют к нему никакого отношения. Но толпа, которая следовала за Клодием, не стала бы сопровождать его во время посещений ювелирных лавок.

Да, железное колечко – это все, что сейчас Клодий может себе позволить. После этого судебного процесса Клодию пора записываться кому-нибудь в клиенты, приходить с утра на салютации и умоляюще заглядывать в глаза – не пригласят ли на обед. Поразительно, какими жадными становятся пролетарии, если только почуют, что можно урвать кусок. Более алчными бывают только судьи.

Цезарь уже пришел, сделал вид, что немного раздосадован происходящим – и только. Как будто все это его и не касалось – не в его дом пробрался Клодий, не за его женой, правда, уже бывшей, волочился. Чем быстрее суд закончится, тем лучше для Цезаря. Из-за этого суда он никак не мог уехать в Дальнюю Испанию, куда был назначен пропретором. Если правду говорят, что его долг вырос до ста миллионов сестерциев, то Цезарь очень рискует.

Тем временем толпа на форуме все росла, и это были отнюдь не сторонники обвинения. Подумаешь, кощунство, гнев богов! Римские боги никого нынче не пугают, римлян волнует только собственное благополучие. И еще – невиданные богатства, которые привозят с Востока: изысканные лакомства, яркие ткани, драгоценные камни. Чтобы их покупать, всем нужны сестерции. Как можно больше сестерциев. Тысячи, миллионы. Не полные кошельки, а полные корзины денег. Не стоит осуждать людские слабости – лучше ими воспользоваться. Судьи – тоже люди. Солидные граждане, у которых есть жены, обожающие жемчуг, взрослые дочери на выданье и сыновья, отягченные долгами.

Клодий отошел наконец от лавок и занял место на скамье для подсудимого. Рядом с ним – адвокаты.[73] Среди них – старший брат Аппий Клавдий. Средний брат Гай, скотина, не пожелал явиться.

---

[73] *Адвокаты* – то есть защитники, сочувствующие, обычно друзья или родственники, которые приходили выразить поддержку обвиняемому.

В принципе, Клодию не стоит волноваться. Свидетели все за него. Кто его может выдать? Цезарь, который прекрасно помнит о похищенном письме? Или Цицерон, который чуть ли не каждый день клянется в дружбе? Вот и проверим, на кого из вас можно полагаться, квириты. Все жители Рима благодаря стараниям нанятых Зосимом людей давно уверены, что судьи все до одного куплены. Так что им эту репутацию волей-неволей придется оправдать. Тем более что у дочки одного появилось предорогое жемчужное ожерелье. У жены другого – великолепные серьги и новая лектика.

Речь обвинителя Клодий мирно продремал – тот говорил долго, нудно и ни о чем. Наконец вызвал свидетелем Гая Цезаря, великого понтифика.

– Тебе, Цезарь, известно что-нибудь о связи обвиняемого Публия Клодия с твоей супругой? – сурово нахмурил брови обвинитель.

Толпа притихла. Все ждали, что скажет Цезарь. Его ответ мог разом решить судьбу Клодия.

– Нет. По существу дела мне ничего не известно. – Таков был ответ свидетеля.

– Есть ли у тебя какие-нибудь претензии к Публию Клодию?

– Нет. Я же сказал: мне ничего не известно.

– Но почему ты развелся со своей супругой Помпеей?

– Потому что даже подозрение не должно коснуться супруги Цезаря.

Пока свидетель говорил, было очень тихо, но едва умолк, как ропот одобрения волной покатился по форуму.

«Даже тень… тень подозрения», – передавали зеваки на разные лады фразу Цезаря.

– Только посмей тронуть нашего Клодия! – вдруг выкрикнул кто-то, разом перекрыв гомон толпы.

Судьи обеспокоились, стали перешептываться. Все труднее им было соблюдать степенность, самый примитивный страх отражался на лицах.

– Нам нужна охрана, – заявил один из судей, нервным движением расправляя складки тоги.

– Разумеется, им необходима охрана, – громко сказал Аппий, – чтобы не отняли ту кучу денег, что им заплатили. – Эта его шутка уже несколько дней анонимно гуляла по Городу, и каждый острослов приписывал ее себе. В конце концов, наверняка скажут, что это слова Цицерона – ведь нынче все остроумные фразы приписывают «Спасителю отечества».

Клодий обернулся и помахал толпящемуся на форуме народу. В ответ раздался радостный рев – огромное существо по кличке «Римский плебс» рыкнуло угрожающе. Если что, Зосим тут недалеко, в толпе. И, разумеется, меч при нем. Да и ребята вокруг не робкие. Заседание можно сорвать в любой момент. Но не стоит, все подготовлено и будет разыграно акт за актом. Даже если сейчас на форуме появится Добрая богиня и заявит, что Клодий ее изнасиловал, ей не поверят.

Тем временем очередь дошла до Цицерона.

Клодий глянул на старого друга и ощутил смутную тревогу. Не исключено, что Цицерон сейчас начнет распевать старую песню об изгнании Катилины и забудет, что перед ним не Катилина, а хороший парень Клодий, которому надо помочь в трудный час.

– Тебе известно что-нибудь об этом деле? – спросил обвинитель важно.

– Известно, и очень хорошо. Я видел Клодия за три часа до того, как он появился в доме Гая Цезаря. Разумеется, он не сообщил мне о своих намерениях, – заявил «Спаситель отечества».

– Ты видел в третий день до декабрьских Нон Публия Клодия в Риме? – оживился обвинитель и встрепенулся, как зверь, почуявший кровь.

– Именно. – Цицерон приосанился.

По форуму покатился гул. Толпа подалась к трибуналу. Клодий нахмурился. До этого мгновения он был уверен в победе, как всегда, но тут что-то в глубине души дрогнуло. А что если осудят? Конфискуют имущество и… Нет, невозможно. Он придушит этого надутого дурака Цицерона!

Марк Туллий поглядел на обвиняемого самодовольно и свысока. Как видно, он был чрезвычайно доволен собой и своей поразительной честностью. Кто из богов внушил ему замечательную мысль так высказаться? Уж не сама ли Фемида?

– Публий Клодий говорит, что был в Интерамне, в своем поместье, а это в ста милях от Рима. Кавсиний Схола это подтверждает, – вступил в разговор защитник Клодия. – Прошло столько времени, как ты можешь помнить, сиятельный, что было в тот день?

– Как же я мог забыть! Он приходил ко мне, и мы вместе долго вспоминали памятные декабрьские Ноны моего консульства, когда я стяжал бессмертную славу.

– Может, ты и меня видел в те самые декабрьские Ноны, а не в третий день до нынешних? – выкрикнул со своего места Клодий. – Ведь я охранял тебя во время заговора Катилины! Я спас тебе жизнь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.